

ТАЙНЫ

ХРЕМДЁВСКОЙ ЛИБЕРИИ

Р. Р. УГЛЕВ

12+

Роман Углев

Тайны Кремлевской Либерии

«Автор»

2014

Углев Р. Р.

Тайны Кремлевской Либерии / Р. Р. Углев — «Автор», 2014

Древняя рукопись предателя Иуды все еще оказывает свое тлетворное влияние на людей. Чтобы этого не происходило, она спрятана в Кремлевских подземельях, и создана целая служба хранителей, которые тщательно следят, чтобы рукопись не была обнаружена. Группа диггеров случайно натывается на следы тайника. Одновременно с ними о ее существовании подозревают работники Кремлевской внутренней службы. Возникает угроза, что древний тайник может быть найден. Что предпримут хранители, чтобы защитить людей от ужасной тайны?

© Углев Р. Р., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	45
Глава 13	47
Глава 14	50
Глава 15	54
Глава 16	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Углев

Тайны Кремлевской Либерии

Пролог

...Я дошел до конца темного коридора со свечной лампой и связкой ключей в руке и повернул направо, как мне и было сказано. Этот длинный коридор в подвале кремлевского замка не имел другого источника освещения, кроме лампы в моей руке, отбрасывающей неровные блики на грубые кирпичные стены. Здесь было сыро, неуютно и жутковато. Я слышал о том, что в этих подземельях иногда появляются призраки и, хотя не верил в подобные басни, в тот момент воспоминание об этом вызвало у меня приступ противного страха, отчего по коже спины побежали неприятные мурашки, а к горлу подкатил тяжелый комок, который никак не получалось сглотнуть.

Я прошел еще несколько десятков метров до того места, где, как мне сказал охранник, должна была быть ниша в стене, и почему-то замедлил шаг. Осторожно, почти не дыша, я подошел к этой выемке в стене, как будто ожидая чего-то или кого-то, пытаясь внутренне посмеяться над своими страхами и отогнать от себя эти темные мысли.

Чуть протянув руку вперед, я сначала освятил всю нишу и убедился, что она пуста, после чего, вздохнув с облегчением, зашел внутрь арки, подошел к двери и, освятив замочную скважину, вставил в нее ключ. Мне показалось, что я слышу какую-то музыку. Помню, я даже встряхнул головой, чтобы избавиться от этого наваждения. Как ни странно, но музыка прекратилась, и я повернул ключ в замочной скважине, которая неожиданно громко заскрипела в ответ на мою попытку отворить замок, да так, что я вздрогнул и оглянулся вокруг. Замок открылся, и я потянул дверь на себя. Она поддалась, и передо мной открылось просторное помещение подвальной кладовой.

В центре помещения стоял стол, а в центре стола – небольшой, локоть на пол локтя, резной ларец с замочком. Второй маленький ключик на моей связке предназначался именно для этого замочка. Я поставил лампу на стол рядом с ларцом и стал вставлять ключик в замочек, когда вдруг неожиданно от открытой двери повеяло ветром. Я резко посмотрел в ту сторону, и в тот же миг боковым зрением заметил, как из-за ларца мелькнула какая-то тень. Я резко пригнулся и поверь, Маргарита, это и спасло мне жизнь. Над моей головой просвистел звенящий клинок, который как-то странно замедлил свой полет и вонзился в деревянную дверь. Я успел только посмотреть в направлении, откуда был брошен этот изогнутый как месяц клинок, когда на мою голову обрушился тяжелый удар, отчего у меня потемнело в глазах, и я лишился чувств. Но я помню, любезная Маргарита, это существо, которое мое болезненное сознание запечатлело в последнее мгновение. У него был совершенно гладкий, лишенный всякого волосяного покрытия белый череп, отливающий огненным блеском в свете свечи, а глаза в пустых глазницах горели желтым демоническим огнем...

Глава 1

Толмачу Якову

Поручение:

После третьего похода, где было совершено то самое нападение на синагогу, и нам удалось ее отбить и спасти от пожара их кладовую, начальник стражи передал мне несколько мешков полных рукописей, которые, как ему показалось, представляют для нас как историческую, так и образовательную ценность. Все рукописи должны быть безотлагательно переведены и с переводом переданы в распоряжение ее высочестве Софье Палеолог.

Игумен Мефодий

Сколько прошло времени с тех пор, как Андрей с друзьями спустился под землю? Сейчас ответить на этот вопрос было не просто, но для этого нужно было смотреть на часы, которые у Андрея по непонятной причине остановились, а спрашивать у ребят было неловко. Что это за проводник, у которого остановились часы? Да и, когда события развиваются по неожиданному сценарию, ощущение времени пропадает совершенно, и о нем особенно не думаешь. Здесь было всегда одинаково темно, если не считать не очень яркого освещения фонарей на голове у каждого диггера. Внешний «надземный» мир никак о себе не давал знать, так что, понять, сколько они здесь находятся, было достаточно сложно.

Сначала все, в общем, шло как обычно. Они спустились в один из нескольких тоннелей в районе Неглинки, и, чтобы не привлекать к себе внимания любопытных прохожих, выбрали для этого самое малолюдное время суток – четыре часа утра. Тоннель был самым обычным, похожий вначале, скорее, не на тоннель, а на этакий лаз, который постепенно расширился и затем заметно углубился. Судя по всему, он шел в направлении Кремля, и скоро, по идее, должен был зайти в тупик, как и любой другой тоннель, идущий в сторону центра. Ребята шли, ни на что, особенно, не надеясь, хотя, интрига в их настроении все-таки присутствовала. Как-никак, а слухи и всякие жутковатые рассказы о том, что под Москвой есть, якобы, целый город, живущий своей особенной жизнью, по своим особым законам, щекотали и будоражили воображение.

Для большинства из ребят диггерство было всего лишь очередным модным увлечением. В последнее время даже появились туры предлагающие прогулки под Москвой. Сильная штука – это стадное чувство. Однако черное диггерство у молодежи считалось особым шиком. Попасть туда, куда не водят экскурсии?! Очень круто! Найти то место где уже давно не было людей?! Просто Супер! Два парня и две девушки, сразу видно, для них это настоящее приключение. Андрею они заявили, что у них уже солидный опыт, косвенно это подтверждалось, хорошей и дорогой экипировкой – костюм химзащиты, каска и мощные долгоиграющие фонарики. Однако, когда они спустились под землю, опытному проводнику стало сразу очевидно, что опыта у ребят мало. Андрей был единственным из компании, чьи спуски под землю перевалили за сотню так давно, что он даже забыл, когда это было. Нет, конечно, можно было и отказаться идти, но, честно говоря, их предложение проводника почему-то сразу заинтриговало. У него было какое-то внутреннее ощущение, что в этот раз подземелье готовит им нечто новое. Да и предложенные деньги оказались очень кстати.

Этот лаз Андрей заметил уже давно. Когда в подвальном помещении появляется непонятно откуда взявшееся отверстие, ведущее глубже цоколя, и оттуда еще и тянет прохладой и особым запахом подземелья, таким знакомым опытному диггеру, понятно, что это не случайность. Он, конечно, туда заглянул, и даже прошел по нему около трехсот метров, убедившись, что у тоннеля есть продолжение, но на большее у него просто не было в тот момент времени,

поэтому он отложил исследование этого подземного хода до ближайшей возможности, а тут подвернулся такой случай, да еще и деньги предложили. Как тут не воспользоваться моментом?

Он был с ребятами честен, сказал все, как есть; что мог бы предложить им какой-нибудь тоннель подлиннее и поинтереснее, никому не известный, и просто забрать свои деньги, когда они наконец через три-четыре часа дойдут до конца, но есть возможность побывать там, где не был даже он сам. Хотя в этом был определенный риск. Тоннель мог оказаться короче, чем некоторые из тех, в которых проводник уже побывал, и не нести ничего интересного. Конечно, и триста метров было немало, с учетом, что у них были металлоискатели, и можно было неожиданно для себя обнаружить что-то ценное, но это могло быть, а могло и не быть. Что есть, то есть.

Видя, как у ребят заблестели глаза, он понял, что попал в десятку.

Конечно, он не знал, что их там ждет, и уж точно не мог предположить, как сильно он вляпается. Он уже забыл, когда в последний раз волновался, опускаясь под землю. Это когда он только начинал увлекаться диггерством, ему казалось, что каждый такой тоннель должен обязательно заканчиваться какой-нибудь таинственной комнатой с сокровищами, и при каждом повороте чувствовал, как мороз идет по коже. Сейчас же он настолько привык к тупикам и просто пустым никуда не ведущим землянкам, что ни на что особенное не рассчитывал, и его интерес к спускам заметно угас.

Через какое-то время лаз расширился, и по тоннелю стало возможно спокойно идти. Андрей, имея приличный опыт предыдущих спусков, просто ждал, когда они упрутся в тупик. И хотя шли они довольно долго, гораздо дольше, чем он рассчитывал, когда путь им преградила стена, он не расстроился. А реакция на тупик одного из парней – Игоря, когда тот в сердцах стал пинать ногами стену, вызвала у него всего лишь усмешку: «плавали, мол, знаем. Не впервой такое». Бывало, что они и стены разбирали, конечно. Но усилий при этом затрачивалось много, а выхлоп был, как правило, никакой. Поэтому сейчас Андрей надеялся, что ребята просто повернут назад. Тем более, что он предупреждал, что этим все может закончиться, но они все равно согласились платить.

Но смеяться проводнику не пришлось, от удивления у него «отвалилась челюсть». После очередного удара ногой один из кирпичей выпал, образовав сквозное отверстие.

«Как такое может быть?»

Если бы кто-то рассказал об этом Андрею, он бы не поверил. Ударом ноги выбить кирпич из кладки? Невероятно! Только потом проводник, оглядываясь мысленно назад, понял, что в этом был промысел судьбы, или Бога, или кого-то еще. А сейчас Андрей и компания, раздираемые любопытством, пытались заглянуть во внутрь, светя фонариками сквозь образовавшуюся брешь. Видно было не очень хорошо, но вполне достаточно, чтобы разобрать, что за кладкой тоннель продолжается.

– Ну что будем делать? – задал вопрос Андрей, хотя, в общем-то, учитывая сложившуюся ситуацию спрашивать особенно смысла не было. Он понимал, что ребята, видя продолжение пути, назад не повернут.

– Как что? Будем разбирать кладку, – уверенно сказала одна из девчонок, вытащив без особого труда пару-тройку кирпичей из стены. Если Андрей правильно запомнил, ее звали Лена, девушка яркой внешности, с карими большими озорными глазами и светло-русыми волосами. Ее точеная фигура угадывалась даже сквозь рабочий комбинезон.

– Мм? – под вопросительным мычанием проводник диггеров мастерски скрыл свое нежелание следовать ее предложению. Ему, честно говоря, хотелось, как можно скорее все закончить и получить обещанный гонорар.

– Там, наверняка, найдется что-то интересное? – она заискивающе улыбалась, глядя на него, а ее голос звучал почти умоляюще... Это был один из тех моментов, когда мужчине бывает очень трудно отказать женщине.

Конечно, скорее всего, и этот тоннель должен был снова зайти в тупик, и не факт, что и следующую стену можно будет так же легко разобрать, но отговаривать ребят было бесполезно и, честно говоря, Андрею самому было любопытно, что будет дальше. Поэтому он просто кивнул, и они дружно стали разбирать кладку, складывая кирпичи аккуратно в стороне. Мало ли, вдруг еще понадобятся.

Глава 2

Игумену Мефодию.

Отчет о проделанной работе.

С переданными мне писаниями ознакомился.

Рукописи выполнены на свитках, соответственных по форме и составу временам апостольским.

Состояние ниже среднего.

Текст Еврейский.

Авторство принадлежит некоему Юде Ишкраёту (примечание. Не думаю, что написано предателем Христовым Иудой Искаротом собственноручно, но такую возможность не исключаю. Яков).

Характер повествовательный, от лица очевидца.

Содержит сведения и факты о жизни и делах Господа, многие из которых отсутствуют в евангелиях, а многие совпадают, но содержат ранее неизвестные детали.

Правдивость повествования сомнительна, но требует внимательного прочтения и сравнения с истинными текстами.

К переводу приступил.

Яков Светлый

Толмач ее высочества Ольги

Ёсеф прозванный Каяфа стоял на балконе своего дома в Иерусалиме. Правда, некоторые называли этот дом дворцом, но у Ёсефа были свои причины считать по-другому. Не высокого роста, с бритой головой и длинной седой бородой, которая почти скрывала следы оспы на его лице. Да, именно так, наверное, и должен выглядеть Первосвященник, которому еще до рождения было предназначено занять это пост. Цадик и сын цадика, один из самых богатых людей в Палестине. Кому, если не ему занимать этот самый ответственный и высший пост в духовной иерархии Избранного Народа. Бог Авраама, Исаака и Иакова поставил его на это служение. Все! Точка!

Нет, конечно, восшествие на должность не было гладким. Не обошлось без интриг, клеветы, подкупов. Один факт, что ему пришлось жениться на дочери Аны, этого ненавидимого всеми «теневого правителя» Иерусалима, державшего в своих руках всю Храмовую торговлю. Продешевил ли Каяфа? Конечно, дочь Аны была страшной, глупой и жутко избалованной, будучи единственной дочерью, и все же породниться с самым богатым и влиятельным человеком Иерусалима, да что там говорить, всего Израиля – это удача. Каяфа знал, без поддержки Аны ему ни за что не стать Первосвященником.

Но, стоит ли об этом вспоминать, если сейчас он никто иной, как Предстоятель перед Богом за народ Израиля. Это ли не вершина карьеры?

Казалось бы, о чем еще беспокоиться? Кого бояться? Но нет, не может быть покоя Каяфе, пока над ним стоит Рим. Никто не может быть в безопасности, пока реальная власть в руках язычников. А им дай только повод. Еще свежи в памяти события, когда Понтий Пилат приказал убить паломников из Галаним. Их кровь практически была смешана с кровью жертв, которых они собирались принести в Храме. Рим всегда реагировал на беспорядки кровью. Беспощадная, и быстрая месть, вот что ждет тех, кто решиться выступить против Рима. А этот народ, только и делает, что бунтует. Нет, Ёсеф понимал, что не может просто наблюдать за событиями, которые происходят постоянно. В конце концов, его может постигнуть участь тех, которые были до него и не удержались на этом месте. Предыдущий Первосвященник пробыл на своем посту меньше года. Каяфа не мог допустить для себя такой же участи и поэтому, взойдя

на пост, начал формировать службу разведки. Конечно, для этого требовались деньги – много денег. Но для такого дела Ёсеф не жалел ни своей казны, ни, тем более казны храмовой. Он прекрасно понимал, что единственный способ удержаться на месте – это знать заранее, откуда приближается опасность. Кто обладает информацией, тот обладает властью.

Итак, он нашел и нанял лучшего из лучших агентов того времени. Первосвященник не постеснялся перекупить его в тайной полиции римлян, рискуя навлечь гнев со стороны руководителей последней. К счастью, все обошлось благополучно. Обстоятельства сыграли на руку Каяфе, хотя, могло ли быть иначе, ведь он был – Божий избранник. По крайней мере, сам он был в этом уверен.

Ахи, а именно так звали агента, был лучшим сыщиком во всем Риме. Талантливейший руководитель, за очень короткое время практически с нуля создавший службу безопасности прокуратора в оккупированной Палестине, поскольку работать он над этим начал еще при Грате, прежнем прокураторе, видя наперед, что в ближайшее время его услуги будут крайне необходимы.

Воспользовавшись сменой прокураторов, Каяфа предложил кандидату очень большие даже для римлянина деньги. Господь свидетель, никогда еще не платили так много человеку на такой должности. Правда, Ёсеф понимал, что, если бы не его конфликт с боссом – Гратом, Ахи мог не согласиться даже за такие деньги. Причина их конфликта покрыта тайной. Поговаривали, что тут была замешена женщина, но это всего лишь слухи. В прочем не лишние основания. Не смотря на свою ставшую почти легендарной способность быть незаметным и растворяться в толпе, Ахи обладал редкой для мужчины красотой, чего нельзя было сказать о стареющем Грате. Неудивительно, что между ними могла «пробежать черная кошка» на этой почве. Ахи, надеялся, было, что, повышение прокуратора Грата и перевод его в Рим пойдут ему на пользу, но вместо этого все вышло в точности наоборот. Грат, похоже, решил отомстить Ахи, и поломал его карьеру. Ни о каком повышении и речи не могло быть, поэтому, когда Каяфа предложил ему работу, он почти без колебаний согласился, решив заняться, хотя бы тем, за что хорошо платят.

Так или иначе, но Ахи перешел на службу к Каяфе, хотя никто, кроме очень узкого круга посвященных людей, об этом не знал. Некоторые догадывались, наверное, но кого это, собственно говоря, волновало? Земля разными слухами полнится, верными и неверными, и пока фактов нет, это всего лишь слухи, а тот факт, что сейчас Ёсеф Каяфа стоял на балконе своего дома, а Ахи стоял рядом с ним, был надежно сокрыт под покровом темной Израильской ночи.

Ох, эта Израильская жара, которая не спадала, даже после захода солнца! Земля, мощный камнем двор и стены дома, казалось, так пропитались зноем за день, что теперь буквально дышали жаром, как хорошо растопленная печь. И хотя Первосвященник родился и вырос в этих краях, он все равно с трудом переносил подобную жару.

– Как ты думаешь, Ахи, это может плохо кончиться? – спросил Каяфа, не оборачиваясь, вытирая при этом куском мягкой ткани пот со лба.

– Что именно? – Ахи попытался угадать, о чем думает Ёсеф, посмотрев туда, куда был направлен задумчивый взгляд Первосвященника.

Орлиный взор Каяфы был устремлен на Храм – оплот веры всех иудеев, отлично видимый в свете луны на фоне темного усыпанного звездами неба. Однако мысли его были далеко от этого величественного строения царя Ирода. Там, где-то в горах Галан ходил человек со своими учениками. Его звали Иешуа Бен Ёсеф. Приближался праздник Песах, множество правверных иудеев из дальних стран стекались в эти дни в Ирушалаим. И все они, так или иначе, искали встречи с тем, кого народ окрестил Машиах.

Кто-то считал его пророком, а кто-то даже воскресшим Илияху. Но особенно возмущало Каяфу то, что многие так уверенно называли его Иешуа ха Машиах.

«Какой невежественный народ, везде-то им чудится Мессия!» – раздраженно подумал Каяфа.

Именно ОН таинственный Иешуа и был предметом размышлений Первосвященника. Нет, сам по себе бродячий проповедник ему не был интересен, хотя по слухам он совершал немало чудес и знамений. Некоторые из рассказов казались совсем уж невероятными. Говорили, будто бы он исцелил сразу десять человек больных проказой, девять из которых пришли показать себя священникам. Чего только не услышишь в этом городе.

Однако внимание Первосвященника привлекал тот факт, что вокруг Иешуа собираются люди – много людей. А это означало, что может начаться еще одно восстание. Вот тогда под ним может зашататься седалище Первосвященника. Сколько их было таких, которые приходили и объявляли себя Мессией. И народ верил им и шел за ними, а затем, приходили римляне и проливали невинную кровь.

Еще юношей он запомнил один случай. Его вместе с отцом позвали во дворец к Ироду. Там собрались старейшины, и было несколько человек приехавших из какой-то далекой страны. Как выяснилось, это были астрологи, которым звезды сказали, что в Палестине якобы родился Царь Царей – Мессия. Старейшины отправили их в Бейт-Лехем, как о том говорилось в пророчестве. А затем туда отправились войска Ирода и перебили всех детей в возрасте до двух лет. С тех пор Ёсеф знал, если где-то появился очередной Мессия, жди беды. Поэтому он и позвал сейчас Ахи, чтобы с его помощью решить, что необходимо сделать.

– Я говорю об этом «пророке», Иешуа из Галан.

– Ах, вот Вы о чем, – воин сделал шаг из прохлады дворца на балкон к покровителю, – Сейчас пока трудно сказать что-либо определенное. Слишком мало мы еще о нем знаем. Думаю, правильным было бы послать туда нашего человека, чтобы все разведать как следует.

– У тебя уже есть кто-нибудь на примете? Кто-нибудь проворный и преданный?

– Конечно, господин. У меня есть опытный агент, его зовут Юда Ишкраёт. Кстати, он сам родом с Галан, так что не вызовет подозрения. Тем более, он очень любит деньги, – произнес воин, загадочно улыбаясь, – а этот порок всегда можно использовать.

Юда был одним из той армии агентов-доносчиков, которые как сетью охватили всю страну и докладывали Ахи все, что происходит, разумеется, не бесплатно.

Да, Ахи знал, что говорил. Он ведь тоже был иудеем, и когда-то жил с семьей в Ирушалайме. Правда после этого они переехали в Рим, и он прошел хорошую школу в римских войсках. Это там он начал осваивать навыки разведки, что и позволило ему сделать карьеру, чуть было не закончившуюся печально. Кстати, это был не последний фактор, который повлиял на выбор Ёсефа. Ахи очень хорошо знал этот народ и, уж если по кому-то было видно, что он любит деньги, значит, за деньги тот сделает все.

– Хорошо! – одобрил Каяфа, глубоко вздохнув, небольшой порыв ветра повеял долгожданной прохладой. – Поговори с ним, подготовь к тому, с чем он столкнется.

– Может быть, мой господин сам желает сам переговорить с Юдой?

Ахи знал ответ. Каяфа никогда не пачкался общением с доносчиками, но знал он так же и то, что Первосвященник не лишен страхов и хочет быть уверен, что контролирует ситуацию. Предлагая Есефу встретиться с Юдой, Ахи укреплял его в этой уверенности.

– Нет не надо, – отозвался Первосвященник, немного резче, чем Ахи ожидал, – ты знаешь свое дело, так что, разговаривай с ним сам. Ступай.

– Слушаюсь, господин, – ответил, Ахи и растворился в тени коридора.

Глава 3

Приказ под номером 28

Петру Ивановичу Читарю

Все книги и рукописи, поступившие от отца Георгия, кроме еврейских, находящихся в отдельном мешке коричневого света с красным ремешком и печатью самого отца Георгия, составить опись, и поместить вместе с описью в новый сухой мех для хранения жидкости, и запечатать в сундук под номером 11 в хранилище для документов в государственную кладовую под номером три. А вышеупомянутые еврейские рукописи с частично сделанным переводом отдать Филарету для ознакомления и проверки, поскольку эти тексты могут оказаться ценным евангельским материалом.

Воевода Артемий Карачаевский.

Евгений Лавров был человеком жестким и волевым. Подполковник по званию, он уже давно мог бы стать генералом, если бы не его прямота, с которой он порой высказывал своему начальству все, что он о них думал. При этом он оставался вполне корректным и не использовал в своем лексиконе грубых слов, что было редким качеством для военного, особенно в это непонятное для страны время – недавней смены идеологии и полной неясности в отношении дальнейшего будущего России.

Еще лет так двадцать назад Союз «Свободных Республик» казался таким стабильным и нерушимым. Ничто будто бы не предвещало никаких серьезных изменений. Генеральные секретари меняли друг друга, доживая до старости, и идеология страны была такой прочной. Кто бы мог подумать, что эта страна вдруг неожиданно для всех развалится, как картонный домик, а Россию, объявившую себя приемником этого некогда огромного государства, станет лихорадить так, что люди будут просто «сходить с ума».

Экономику трясло, заводы закрывались и продавались, что называется «с молотка», разумеется, покупали их «избранные», стремясь растащить, разграбить все что можно в погоне за сиюминутной наживой. Да что там... недавно избранный президент – надежда будущего страны, мог позволить себе появиться в пьяном виде перед иностранными послами. Как в этой обстановке можно было служить Родине и исполнять свой долг перед Отечеством, для многих было совершенно неясно? Однако, несмотря на все это, Лавров продолжал быть военным офицером в полном смысле этого слова, и был человеком исключительно дисциплинированным и, как ни странно, порядочным.

В свои 52 года он уже изрядно поседел, но при этом не облысел. Волосы у него были все еще густыми и изрядно непослушными, хотя об этом знал только он сам, так как стригся Лавров коротко и аккуратно, как и положено офицеру. Орлиный взор серых с голубизной глаз смотрел на собеседника всегда внимательно и пронизывающе. Рост 181 см, вес 86 кг, отличная выправка и физическая подготовка, если бы не седина, он выглядел бы значительно моложе своих лет.

Три года назад подполковник пережил серьезную потерю – его молодая (38 лет) жена, красавица с его любимой восемнадцати летней дочкой, копией матери в ее юности, погибли в автокатастрофе. Неопытный таксист не справился с управлением на трассе в гололед, и машина, вылетев на встречную полосу, столкнулась лоб в лоб с тяжеловесной фурой.

Дочь умерла мгновенно. Жена и злосчастный водитель умерли почти одновременно в реанимации, не приходя в сознание.

Стоя над могилой, Евгений не проронил ни слова, и даже не прослезился, но дома подушка его жены была мокрой по утрам в течение двух недель, хотя об этом не знал никто.

После этого случая на его лице появились две суровые на вид складки возле губ, и морщины на лбу стали значительно глубже, но заметили это лишь самые близкие его сослуживцы. Лавров, как правило, идеально владел своим характером в любых обстоятельствах так, что никто и никогда не знал его чувств.

Сейчас подполковника вызвал его начальник – генерал Снежин. Когда Евгений вошел в кабинет и подошел к столу, генерал положил перед ним старую потрепанную картонную папку с ленточкой и, раскрыв ее, показал ему на чертеж.

– Товарищ подполковник, надеюсь, Вы знаете, что это за чертеж?

Лавров внимательно посмотрел на чертеж, ища подвоха, но ничего не обнаружив, ответил:

– Это план первого, ...хотя нет, цокольного этажа 2-й башни Кремля.

– Ага..., хм, правильно.

Снежин какое-то время смотрел на чертеж, о чем-то думая. Затем, чуть растягивая слова, он спросил.

– А вам известно, что означает вот этот ...элемент? – генерал ткнул пальцем в угол чертежа, где на пожелтевшей от времени бумаге был явно виден некий контур, обозначенный пунктиром.

Лавров склонился чуть ниже, и какое время изучал изображение.

– Никак нет, – он отрицательно мотнул головой.

– Вам приходилось раньше видеть этот чертеж, подполковник?

– Нет, товарищ генерал, – ответил Лавров уверенным и спокойным тоном.

– Как нет? Ведь Вы же должны быть основательно ознакомлены с этими помещениями.

– Совершенно точно, товарищ генерал. Мне знаком чертеж, как таковой, но я уверен, что не именно этот чертеж. Я не мог не обратить внимания на такую серьезную деталь, как эта.

– Вы уверены.

– Абсолютно.

Можно было бы усомниться в такого рода заявлении, если бы оно звучало из уст какого-нибудь другого человека, но не Лаврова. Подполковник был известен, как исключительно честный человек. Поэтому генерал Снежин, чуть вздохнув, спросил:

– А что находится в этом углу?

– Ничего, товарищ генерал. Паркетный пол.

– Хм..., – генерал потер ладонью широкий лоб и какое-то время задумчиво молчал.

– Ну, и что вы думаете? Что это должно быть такое? – наконец спросил он после продолжительной паузы.

– Судя по изображению, это должен быть вход в подпол или погреб. Позвольте взглянуть. Подполковник снова наклонился над чертежом, глядя в его нижний правый угол.

– Я уверен, что этот документ мне не встречался ни разу. Самый ранний документ, который мне приходилось исследовать, был датирован как минимум двадцатью пятью годами позже.

– Мм..., ага. Тогда, взгляните так же и на это.

Генерал положил перед Лавровым еще один чертеж, на котором была видна лишь та часть цокольного этажа, где начинался пунктирный контур. Далее на чертеже было показано продолжение этого контура.

– А, ну, теперь ясно. Это явно подземный ход, – уверенно сказал Лавров.

– То есть, Вы хотите сказать, что под паркетным полом есть подземный ход.

– Нет, этого я не хочу сказать, – совершенно невозмутимо ответил Лавров. Некоторых раздражала такая его прямота, но Снежину она наоборот нравилась. Ему с подполковником было легко, так как он всегда говорил только то, что он думал.

– Тогда, объясните мне, что именно Вы хотите сказать?

– Только то, что на данном чертеже изображен подземный ход протяженностью, судя по монтажу, в пару десятков метров.

– А что может быть там сейчас? – Снежин внимательно прищурился.

– Все что угодно. Чертежу почти сто лет. За это время этот ход могли засыпать уже несколько раз.

– Да, но об этом нет никаких упоминаний в документации по этой башне, – поднял брови генерал.

Лавров пожал плечами.

– Времена были смутными, товарищ генерал.

– Хм..., – Снежин какое-то время хмуро размышлял над сказанным. Лавров терпеливо ждал.

Наконец генерал потер лицо ладонями, и устало сказал:

– Мне бы хотелось, чтоб Вы проверили, что там есть, подполковник.

– Потребуется специальное разрешение, товарищ генерал. Это, все-таки, вторая башня.

– Я помню об этом, – Снежин понимающе кивнул. – Думаю, в существующей нестабильной обстановке мне не составит труда получить разрешение.

Стена оказалась двойной. Это было странно. Андрей такую встречал впервые. Обычно, если в тоннеле встречалась перегородка, то она была сложена в полкирпича, или же, максимум, в кирпич, но эта стеночка была исключением. Она была сложена в полтора кирпича, и это делало еще более удивительным тот факт, что от простого удара ноги в стене образовалась сквозная брешь.

Конечно, они и не пытались разобрать всю стену, а лишь проделали в ней достаточно большое отверстие, чтобы через него можно было при необходимости пробежать в полный рост, не пригибаясь.

«Видимо потому ее так и сложили, что вместо раствора они использовали простую глину», – думал Андрей, вытаскивая из кладки очередной кирпич.

Однако то, что буквально через 10 метров после этой перегородки они натолкнулись на следующую точно такую же, вызвало у него еще большее удивление, хотя он и постарался не подать виду, чтобы «не упасть в грязь лицом» перед ребятами. Повернуть назад после всей проделанной работы по разборке первой стены казалось совершенно неприемлемым, поэтому, когда Андрей увидел вторую перегородку, он уверенно подошел к ней и ковырнул небольшой монтировкой ближайший кирпич, внутренне надеясь, что и в этот раз кладка окажется такой же некрепкой, как и в предыдущий.

Он оказался прав. Кирпич легко поддался, и выпал из кладки.

Не говоря ни слова, ребята подошли и присоединились к нему.

Вскоре и во второй перегородке образовалось большое отверстие неправильной формы, а рядом с ним – внушительная гора кирпичей, далеко не такая аккуратная, как от предыдущей стеночки.

Отряхнув, наконец, руки от пыли, Андрей расправил плечи, сделал пару наклонов туда-сюда, покрутил в разные стороны головой, разминая шею, потянулся как следует и предложил:

– Может быть, сейчас как раз самое время пообедать? Никто не проголодался?

– Я тоже только что об этом подумал, – в тон ему ответил Игорь, потирая свой живот. – Это было бы весьма кстати.

– Присоединяюсь к предыдущему оратору, – поддержала их Лена, с готовностью раскрывая свой рюкзак и доставая продукты.

Андрей внезапно ощутил сильнейший голод, и решил, все-таки, понять, почему у него остановились часы, и сколько сейчас предположительно времени.

Заметив его жест, вторая девушка по имени Тамара тут же задрала рукав комбинезона на левой руке, взглянула на светящийся циферблат каких-то навороченных часов, и присвистнула.

– Да уже давно пора ужинать, а не обедать! Время 18:38.

– Не может быть! – это был Влад, невысокий но, похоже, очень крепкий парнишка. Его туго накачанные плечи и бицепсы легко угадывались сквозь комбинезон. Неужели мы пробыли здесь почти целый день?

– Обычное явление под землей. Время летит незаметно, – подал с видом знатока реплику Андрей, разглядывая свои часы в свете фонарика. Конечно, он никому не сказал, что часы встали.

Глава 4

Донесение

Спешу сообщить вам, уважаемый отец Георгий, что состояние моего пациента Филарета ухудшилось, и улучшений не наблюдается. Рассудок несчастного окончательно помутился, и в связи с этим гнетущее душевное состояние усугубилось еще больше. Пищу Филарет не принимает, а то, что дается насильно, вытаскивается, в связи с чем пациент потерял весу уже 25 килограммов. Я предложил ему исповедаться, поскольку предчувствую его скорую кончину, но он не проявил никакого интереса. Понял ли он смысл предложенного мною, или же слова здравые не достигли до его помутненного разума, сказать затрудняюсь. Думаю, что ваша помощь в очищении души очень нужна.

Месье Жоннер

Лекарь Государев

Голос, богатый средними частотами, тем не менее, был четко различим.

«Мне бы хотелось, чтоб Вы проверили, что там есть, подполковник».

«Потребуется специальное разрешение, товарищ генерал. Это, все-таки, вторая башня».

«Я помню об этом, подполковник...».

– Смотри-ка, они решили разгадать нашу тайну, – с добродушной улыбкой сказал коренастый человек в домашнем ярком расписном халате, сидя в кресле с небольшим смешным пуделем на руках. Судя по всему, его слова были обращены к собаке. – Как удачно я установил датчик. Всего за день до этого разговора.

Пудель, виляя радостно хвостом, преданно попытался лизнуть его в лицо, однако хозяин держал собаку на безопасном расстоянии так, чтобы та не могла достать его языком.

– Ну-ну, не нужно мне здесь твоих собачьих нежностей, – он ласково потрепал собаку за ухом, и выключил прослушивающее устройство, поскольку звуковая дорожка на нем закончилась. – Так, что скажешь? Дадим им попасть в тайник, или нет?

Пудель «сказал» в ответ что-то вроде: «хмпф!», и снова радостно повилял хвостом.

– Вот и я говорю, пусть себе, копают. Все равно, даже если они войдут в подземный ход, им еще ой как далеко до того, что мы там прячем, правильно?

– Хмф-иуу! – ответил пудель, кивнув головой и, преданно глядя на хозяина, еще активней виляя хвостом.

– Да, именно так. С решением мы можем потянуть. Ведь, это так легко сделать в нашей бюрократической стране.

Неожиданно собака соскочила с его колен и, подбежав к длинному плоскому экрану на стене, стала лаять, глядя то на экран, то на хозяина.

– Что там, что ты так разошлась, Жуля? – Он нехотя поднялся и подошел к экрану. – Смотри-ка, а ты умница!

На экране на какой-то светящейся схеме длинных параллельных линий были отчетливо видны пять движущихся точек.

– Скажи, а как ты узнаешь, не глядя на экран, когда на нем что-то есть? Может быть, в этот миг появляется звук, который ты слышишь, а мы люди нет? – задумчиво спросил он пуделя.

– Ты слышал?

Симпатичная Лена застыла с куском печенья возле рта, глядя на Андрея, хотя по выражению ее больших внимательных глаз было видно, что она вся обращена в слух.

«Красивые глаза», – подумал он, а вслух спросил.

– Что слышал?

Она не ответила, продолжая смотреть «сквозь него».

Остальные ребята тоже перестали жевать и прислушались.

В тоннеле на какое-то время воцарилась гробовая тишина, да такая, что у Андрея зазвенело в ушах и, похоже, не только у него одного.

– Я слышал, что звон в ушах, который мы слышим, это, в действительности, шум крови в наших кровеносных сосудах. А если все эти сосуды сложить в одну линию, то получится речка длиной в сколько-то там тысяч миль, – философским тоном заявил крепыш Влад.

– Тсс, тихо! – Прервала его Лена, приложив палец к губам. – Послушай!

Она все еще смотрела на Андрея, как бы спрашивая его глазами: – «Ты слышишь?»

– Я ничего не слышу, – сказал Игорь, второй парень. Кажется, его раздражала сама мысль о том, что здесь что-то можно услышать.

«Бойтся!» – подумал Андрей.

– Подожди-ка! – коснувшись локтя Игорь, сказала Тамара, его подруга. – Кажется, где-то течет вода.

В этот момент Андрей тоже услышал едва различимое журчание.

– Не-а, – Лена отрицательно мотнула головой. – Я слышу голоса.

– Голоса? – С недоверием в голосе спросил Влад.

– Тсс! – это снова была Лена. Палец к губам, взгляд на Андрея. – Послушайте!

В этот раз Андрей действительно услышал некий гул, похожий на отдаленные человеческие голоса, как это иногда бывает в домах с плохой звукоизоляцией, когда кто-то из соседей начинает громко разговаривать среди ночи, не думая, что его может слышать весь дом.

Андрей подлил в чашку чая из термоса и нарочито громко потянул его губами и причмокнул.

– Предлагаю всем продолжить трапезу, – с видом знатока сказал он, когда все на него обернулись.

– Что это было? – В голосе Лены звучало удивление.

– Голоса, – спокойно ответил он.

– Голоса? Здесь?

– Да, – он недоуменно пожал плечами, мол: «что тут такого?» и, глотнув чаю, пояснил, – видимо где-то высоко над нами жилое помещение, и звук доходит.

– Так глубоко? – С недоверием спросила Тамара.

– А почему нет? По какой-нибудь трубе звук может распространяться очень далеко.

– Я слышала еще какой-то шорох, – сказала Лена.

«Ну и слух у этой девчонки!» – подумал он.

– Здесь могут быть крысы? – с беспокойством спросила Тамара.

– Да, конечно, крысы могут быть везде, – усмехнулся он.

– Брр, – поморщилась Лена. – А это не опасно?

– Для одного усталого измученного человека стая крыс может представлять опасность, особенно, если он спит, а для группы храбрых молодчиков, вряд ли.

– А как насчет гигантских крыс. Я смотрел передачу про них. Твари преомерзительнейшие.

– Для этих тварей у нас есть оружие, не так ли? На меткость и на скорость стрелять приходилось? – спросил Андрей, обведя взглядом всех. Он сразу заметил, что Игорь отвел глаза, а Влад наоборот гордо приподнял подбородок.

– Я специально проходила снайперские курсы и стрельбу на скорость. Могу выбить сорок из пятидесяти по быстро движущимся целям. Так что, думаю, справлюсь, – уверено сказала Лена.

– У-у! Это даже круче чем у меня, – сказал Андрей. – Хотя, скажу честно. Я про гигантских крыс слышал, но не видел. А в таких тоннелях, как этот я вообще крыс не встречал. И тем более, гигантских. Они в основном бывают там, где для них есть пища. А здесь только стены.

– Я тоже неплохо стреляю, но только не надо про крыс, – попросила Тамара. – А то я не смогу доесть свой обед.

– Да, пожалуй, она права, – в тон ей сказал Игорь. Он взял кусок битого кирпича и метнул им в темную глубину тоннеля.

Не успел обломок коснуться земли, как по тоннелю пронесся негромкий, но отчетливый, высокий и протяжный звук похожий, то ли на крик какого-нибудь животного, то ли на вопль трех-четырех годовалого ребенка, то ли на ржание лошади, то ли на затяжной скрип двери. Звук возник столь неожиданно, что заставил вздрогнуть Андрея и, наверное, всех остальных с ним, причем, обе девушки тут же в страхе завизжали почти так же высоко и протяжно, как и неведомо откуда взявшийся звук.

– Тсс, тихо! – здесь уже палец к губам приложил Андрей.

– Что это было? – дрожащим голосом почти хором спросили его обе девушки и Игорь.

– Да, тихо вы, – шикнул на них уже Влад, и взялся за охотничий нож, который был удобно прикреплен у него на ноге в качественно сделанных ножнах.

– У меня есть пушка, если что, – сказал Андрей как можно тише. – Убить не может, а парализовать минут на двадцать легко.

Он постарался придать своему голосу уверенный тон, но, признаться, ему тоже стало жутковато. Ничего подобного он за всю свою практику диггерства не слышал.

– Я думаю, вести себя тихо нет смысла, – в полголоса, но твердо сказал Влад. – Благодаря дамам, о нашем существовании подземный мир наверняка уже оповещен, так что, скрываться смысла нет. Я предлагаю, взять себя в руки и продолжать путь. Мы же не верим в сказки о подземных чудовищах.

– А может, пойдем отсюда, пока не поздно? – дрогнувшим голосом попросила Тамара, но ей, почему-то никто не ответил, и в тоннеле на какое-то время воцарилась тишина.

Глава 5

Из дневника отца Георгия.

Беседовал с Филаретом.

На какое-то время он пришел в себя и ответил на мои вопросы, ...не на все, после чего снова погрузился в свое безумное удрученное состояние.

Мое мнение, бедняга на пути в погибель.

Если возможно, спаси его, Господи.

То, что я от него услышал, очень плачевно. В Спасителя он больше не верит. В Божью милость и благодать, соответственно, тоже. Причину такой странной и резкой перемены в человеке я пока не увидел, так как исповедоваться он не стал.

Нужно ли говорить, что все это время пока Ахи разговаривал с Первосвященником, Юда сидел в небольшой специально оборудованной комнате в другом крыле дома, ожидая новых инструкций. Ахи знал, о цели своего визита к Первосвященнику. Тот имел обыкновение, пригласив воина на ужин обсудить с ним дела, причем, иногда так и не предложив собеседнику трапезу. Но Ахи никогда бы не стал тем, кем он стал, если бы заранее не предвидел, о чем пойдет речь, и не подготовился.

В доме было много таких комнат, скромная обстановка, только стол и пара лавок и окно под самым потолком, более похожее на бойницу. При желании это помещение можно было использовать как тюремную камеру, если поставить кровать и организовать отхожее место. Обычно эти комнаты использовались для встречи с агентом, как, например, в этот раз. Еще вчера к Юде пришел гонец с приказом завтра к вечеру явиться к Ахи. Это могло означать только одно: новое задание, а, значит и новая возможность заработать.

Теперь Ахи шел в потайную комнату, где Юда уже давно его ждал с радостным предвкушением. Ахи это знал, и ничуть не беспокоился по этому поводу.

В сущности, Юда был одним из множества согладатаев, которые с радостью соглашались на любую возможность заработать лишний серебряник или два, а, если конечно повезет, то и гораздо больше. Вот и сейчас Юду не столько беспокоил вопрос: «Когда придет Ахи?» Сколько, размер вознаграждения и что именно ему придется сделать, чтобы оно получить.

Нужно заметить, что в свои сорок с небольшим лет, Юда выглядел гораздо старше. Он был очень седым, и сесть он начал еще в шестнадцать лет. Родители говорили, что такое уже случалось у него в роду. Кроме того, Юда был очень худой и с кривыми ногами, которые всегда старался прятать под длинными полами одежды, а его лицо было обезображено заячьей губой, делаая внешность еще более отталкивающей. Неприглядный облик и бедность отталкивали от него самое для него желанное – женщин. А надо ли говорить, что недоступное более всего и привлекало его. Он понимал, что у него нет или очень мало шансов, привлечь женщину своей внешностью, а поэтому у него оставался только один способ – деньги, а деньги давались ему с трудом.

После смерти родителей Юда продал все то не многое, что ему досталось и все спустил на блудниц, близ Ирушалайма. Ленивый по природе Юда даже не мог надеяться заработать много. Нет, на жизнь ему еще хватало случайных заработков, но вот на женщин. Поэтому, когда Ахи предложил ему доносить за деньги, он не долго раздумывал. Надо отдать должное, стукачом он был превосходным. Его внешность вызывала жалость у мужчин и, а умение слушать не редко, располагало собеседника к длинным беседам. Еще одним достоинством Юды было то, что отец обучил его грамоте, а, значит, он мог писать отчеты и доносы. Кроме того, Юда был терпелив. С детства, когда над ним издевались другие дети, он не мог им ответить тем же. Для драки он был слишком слаб. Родители же твердили, что нужно терпеть и смиряться. Вот он и научился

терпеть, правда, не совсем так, как его учили родители. Юда, терпя, не смирялся, а затаивался и ожидал того момента, когда сможет нанести ответный удар – удар в спину, удар исподтишка, часто чужими руками. Его хитрый ум не имел себе равных по изобретению изощренной мести.

Еще в отрочестве ему нравилась девчушка, живущая по соседству. Ее звали Дибора. Как то на Шавуот они возвращались с родителями из Храма, который, как и все правоверные иудеи, посещали три раз в год. Идя в толпе паломников, ободренный присутствием родителей, он осмелился заговорить с соседкой. Она была доброй и быстро научилась не замечать его недостатки. Она даже заступалась за него, когда его обижали другие дети. На смену отрочества пришла юность, Дибора продолжала дружить с ним. Конечно же, это не было любовью, однако воображение Юды рисовало совсем другую картину. В своих мечтаниях он видел, как ведет Дибору под купу, как у них родятся дети... Они росли и вот однажды произошло то, что должно было произойти. Девушка познакомилась с красивым высоким юношей, состоявшим на воинской службе. Когда Юда узнал об этом, постигшему его разочарованию и печали не было границ. Попытка поговорить Деборой привела только к тому, что она стала сторониться его. И Юда решил отомстить. Он нанял негодную женщину, которая приехала к парню на службу и оклеветала Дибору. Правда их любовь оказалась сильнее клеветы, и они все равно, в конце концов, поженились, но неудача не остановила Юду. Он просто стал учиться, быть еще более изощренным.

Итак, Юда ожидал, когда придет Ахи, предвкушая новый гонорар, мысленно прикидывая куда он его потратит и гадая, что именно ему придется делать на этот раз. Когда Ахи вошел, Юда встал и подобострастно склонил голову. Он усвоил еще в юности, начальство любит подобострастие.

– Что скажешь Юда? Ты готов к новому заданию?

– Как прикажите мой господин, – молвил Юда, не поднимая головы.

– Тогда садись.

И Ахи рассказал Юде, что он должен был делать.

По Галилее перемещалась группа бродячих проповедников. У них был главный – учитель. Его звали Иешуа. Юда должен был пристать к этой группе и регулярно писать отчеты о том, что там происходит, путешествуя вместе с ними. Это было задание, которое понравилось Юде. Во-первых, оно было долгим, а значит, сулило хороший заработок. Во-вторых, бродячие проповедники, это люди, которых не нужно особо раскручивать на разговор. Они и так все время говорят, успевай только записывать. Тут главное было не упустить важное в речах проповедника. Точнее, важное с точки зрения начальства. Не упустить, или, если необходимо, придумать. В общем, нужно было написать в доносе то, что начальству понравится, и тогда его ждет не только обещанное вознаграждение, но и премия. Юда слушал Ахи и внутренне ликовал. Он уже видел, как на полученные деньги он идет то к одной блуднице, то к другой. Их имена он знал наизусть. Ему нужно было только уловить момент и попросить небольшой аванс, дабы «подготовиться к путешествию». Ахи, конечно, знал, какую «подготовку» Юда имеет ввиду, но не выдать денег он не мог, таковы были правила.

Так в группе бродячих проповедников появился Юда Ишкрайот, а в тайной канцелярии Первосвященника – доносы о происходящем в Галилее.

– Что будем делать? – Наконец прозвучал чей-то вопрос в нависшей в тоннеле почти осязаемой тишине.

Спрашивал, кажется, Влад.

Ему никто не ответил. Все как будто все еще чего-то ожидали.

Вопрос, чего?

«Ну, не монстр же это какой-нибудь подземный?» – подумал Андрей и улыбнулся своей мысли, хотя сама по себе мысль была довольно-таки пугающей. Однако он не верил в монстров

и неведомых существ. Опасность, как он считал, могла возникнуть здесь под землей в виде прорыва воды или обвала, но никак не в виде неизвестного существа, издающего странные звуки.

«Скорее всего, это был какой-то скрип. Только очень странный какой-то, похож на душе-раздирающий вопль, или что-то вроде этого. Нужно только понять, что могло издать такой скрип».

– Что будем делать?

В этот раз Влад задал вопрос, обращаясь непосредственно к Андрею.

– Я думаю, что нужно продолжать двигаться дальше, – ответил Андрей, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Но, мы же не знаем, что это? – с явным страхом в голосе проговорила Лена.

– Что ж, значит, у нас есть шанс узнать, – ответил Влад даже спокойней, чем это мог бы сделать Андрей.

– А если это что-то страшное? – спросила Тамара с такой же интонацией в голосе, как и у Лены.

– Вряд ли, – Андрей постарался сказать это уверенно, но сам для себя отметил, что его чувства не соответствуют его словам.

– Тогда, что это? – в голосе Лены были очень требовательные нотки.

Он размышлял несколько секунд, прежде чем дал ответ. Видимо, ему все-таки придется признать, что есть что-то здесь под землей, чего он не знает.

– Я ... я не знаю.

– Тогда, как ты можешь заявлять так уверенно, что это неопасно? – спросила Тамара.

– Тише, тише! – примирительным тоном проговорил Игорь. Похоже, он боялся даже больше, чем девочки. – Может быть, не стоит так кричать?

– Если это что-то живое, то, скорее всего, оно нас уже обнаружило, и нам незачем осторожничать, – Андрей хотел пошутить, но его шутку, похоже, никто не понял.

– Что живое? Что оно? – без всякой шутки стали спрашивать его девочки.

– Да, ладно. Это он так, ...просто, – Влад говорил без малейшего волнения в голосе.

«Интересно, а он кричал вместе со всеми или нет?» – подумал Андрей, а вслух спросил:

– Трапезу-то все закончили?

Оказалось, что Игорь частично пролил чай себе на рукав, а Тамара размазала бутерброд по стене тоннеля.

«Что ж, бывает», – подумал Андрей, внутренне усмехнувшись.

– Тогда предлагаю двигаться дальше. Или, если хотите, мы можем считать наше приключение законченным и повернуть назад.

Ребята переглянулись.

На какое-то время стало тихо так, что у Андрея вновь зазвенело в ушах.

«Лишь бы в этот раз этот звон не перешел в этот непонятный не то вопль, не то скрип», – подумал он.

Наконец Лена предложила:

– Я за то, чтобы продолжать.

– Не боишься? – просила Тамара.

– Честно говоря, боюсь. Но, если это опасно, то, это опасно в любом случае, даже, если мы повернем назад. Но, мне кажется, если бы это было нечто живое и агрессивное, оно бы нас уже попыталось атаковать. А так как мы ничего такого не видим, то остается только продолжать путь. Так, по крайней мере, у нас есть шанс узнать, что это было.

– Главное, чтобы нам не пожалеть потом об этом? – продолжала сомневаться Тамара.

Лера уверенно парировала:

– Ну, знаешь, не могу ничего сказать про других, но про себя могу точно сказать, что, если мы сейчас повернем обратно, то я наверняка буду сожалеть в последствии и сгорать от любопытства, что же это было, и почему мы не рискнули пойти дальше и узнать.

– Я за продолжение, – подал голос Влад.

– Я тоже, – после некоторой паузы с неуверенностью в голосе сказал Игорь.

Тамара вздохнула и пожала плечами.

– Я как все.

– Тогда вперед, – скомандовал Андрей, и первый тронулся в путь, нацепив на плечи свой рюкзачок, но на всякий случай готовый схватиться за пистолет.

Остальные последовали за ним.

Глава 6

Здравствуйте, дорогая Марья Сергеевна.

Пишет Вам Ваш обожатель и почитатель послушник Василий.

Сегодня выдалась свободная минутка, пока отец Георгий был на крещении, а я успел все вымыть и поставить на свои места в его светелке. Как же много у него книг! Мне бы сюда на месяц другой, я бы здесь все перечитал. На столе у отца Георгия я увидел древние рукописи с переводом. Спешу поделиться тем, что прочитал. Оказывается, когда Христос говорил о разрушении храма в Иерусалиме, Он не мог говорить о Своем теле, поскольку в сей миг указал десницею на здание храма. Это что же получается? Что ученики Его не так поняли!

...

Подполковник Лавров сидел за столом и читал последнюю сводку новостей в газете, когда голос генерала Снежина вызвал его по громкой связи.

– Лавров, ты у себя?

– Да, товарищ генерал.

– Тогда у меня для тебя новость. Я получил разрешение на вторую башню.

– Что прикажете делать, товарищ генерал? – спросил Лавров, хотя уже знал, какой будет приказ начальника.

– Есть только одно «но». Нужно действовать быстро и, если мы ничего не обнаружим, все должно быть восстановлено так, будто там ничего не производилось. Понятно?

– Так точно.

– Тогда, исполняй. Вопросы есть? – по тону начальника можно было понять, что он не хочет отвечать ни на какие вопросы.

– Никак нет, товарищ генерал.

Лаврову не особенно хотелось заниматься «раскопками», но приказ есть приказ.

Как только Снежин отключился, подполковник связался со своим другом, капитаном Груздевым.

С металлическим призывом голос капитана загремел в динамике громкоговорителя.

– Капитан Груздев слушает.

– Привет, Федор, это Лавров.

– А, Евгений. Приветствую тебя. Ты что хотел?

Груздев был старше Лаврова на 11 лет. Он поздно решил, что хочет сделать военную карьеру, и поэтому его возраст не совсем соответствовал его званию. Скорее всего, именно поэтому он всегда был несколько фамильярен и грубоват. Однако он умел чувствовать границы и, если его бесцеремонность не воспринималась, он тут же отступал и начинал соблюдать правила субординации. Однако с Лавровым они дружили. Оба были прямолинейны и честны, а Груздев был еще и очень прост, поэтому с ним было легко и надежно.

– Есть приказ вскрыть полы во второй башне в цоколе. Похоже, там когда-то было что-то подпольное. Чертежи прилагаются. Там есть все детали.

– А что подпольное? – не понял Груздев игру слов Лаврова.

– Ну, подземный ход, или помещение какое-то.

– А-а, ну, так бы и говорил, а то я подумал, подпольная организация какая.

Лавров слегка усмехнулся.

– Может быть, и это. Кто знает? Времена темные были. Ну, так что? Понял, что делать нужно?

– Да, понял, конечно. Вскрывать полы нужно. Чего тут непонятного?

– Есть одна сложность. Времени нам дается, как обычно, крайне мало. А нужно, чтобы после вскрытия все было возвращено в первоначальный вид. А там паркет. Чуешь, чем пахнет?

Груздев вздохнул.

– Да, чую, чую. Ничем хорошим это не пахнет. Ну, да ладно, справлюсь. У меня есть пара-тройка ребят толковых, которые в этом разбираются. Когда начинать?

– Документы будут готовы к завтрашнему дню. Там будет все сказано подробно. Так что, завтра после развода можешь начинать.

– Понял тебя, Евгений. Будет сделано.

– Будь здоров.

Обычно Ахи подолгу службы читал все доносы, которые поступали в канцелярию. В его задачу входило оценить содержимое доноса и, по мере важности и необходимости, доводить информацию до сведения Первосвященника. Однако здесь возникла неожиданная проблема; в течение некоторого времени он не мог докладывать информацию, поступавшую от Юды.

Ахи родился в традиционной иудейской семье и, несмотря на то, что был совсем юн, когда с родителями переехал в Рим, был воспитан на религиозных ценностях иудеев. В глубине души он, как и многие евреи по всему миру, надеялся, что Мессия придет. И теперь, читая доносы Юды, он был по-настоящему удивлен. Никогда еще человек не совершал столько чудес, сколько совершал этот. Никогда еще человек не говорил так, что от записанных за ним слов веяло не человеческой мудростью.

Ахи, конечно, видел и те моменты, которые выделял Юда, чтобы донос понравился. От некоторых просто «воняло» откровенной клеветой. Например, что Иешуа обещал разрушить Храм в три дня. Во-первых, это дело невозможное, Храм слишком большой и для разрушения его понадобится много времени, даже если поджечь будет гореть ни один день. Во-вторых, это дело было еще и бессмысленным и абсолютно не вязалось с остальным, чему учил проповедник, а учение его было столь необычным и привлекательным, что Ахи однажды не выдержал, и пошел в Храм, послушать его.

Именно, тогда, слушая Иешуа в Храме, слушая его спор с книжниками и фарисеями, в сердце Ахи закралось подозрение, а не он ли тот самый Машиах, которого ждал народ Израиля. Конечно, чтобы поверить в подобное Ахи требовалось еще множество доказательств, но все же одно для него было очевидно, несмотря на все порочащие слухи, Иешуа был праведник и великий пророк Божий, и чудеса, которые он творил, были настоящими.

Потом, Ахи еще часто вспоминал эти события. Особенно один момент, когда на какой-то невероятно краткий миг его взгляд пересекся с взглядом Иешуа и..., о, это ощущение! будто Его взгляд проникает глубоко тебе в душу, видя тебя насквозь! А голос..., он как будто проникает в огрубевшее солдатское сердце, разрезая его и рождая в нем веру. Кто знает? Может быть именно в этот момент, Ахи, не ожидая того, сам пополнил ряды тайных учеников Иешуа Машиах. Конечно же, Ахи не мог допустить, чтобы порочащие Его доносы дошли до синедриона, а таких было много, и поэтому он просто прятал такие доносы у себя.

Но однажды все изменилось. Неизвестно, что именно побудило Юду обратиться к первосвященникам через голову Ахи. Может быть, он стал догадываться о том, что Ахи не всю информацию передает дальше по инстанции, а может быть, Юда надеялся получить большее денег, обратившись напрямую. Впрочем, скорее всего и то и другое. Так или иначе, Юда пришел прямо к первосвященникам и предложил свои услуги.

Кровь закипела в жилах Ахи, когда он узнал об этом подлом предательстве. Стоило ему уехать на пару дней! Когда он вернулся, Иешуа уже распали.

Ах, если бы он только был в городе! Ах, если бы только он не отсутствовал! Он, возможно, смог бы убедить Ёсефа, не делать роковую ошибку. За этим известием последовала долгая и мучительная ночь.

«Что теперь делать???»

С этой мыслью Ахи, как в бреду, то просыпался в холодном поту, то снова засыпал, впадая в забытие, утомленный непрестанной внутренней борьбой. Он, вероятно, растерзал бы Юду, если бы последний к тому моменту уже не повесился.

«И что, что же теперь?»

Вновь и вновь задавал он себе все тот же вопрос, на который, казалось, не было ответа. И в эту, и в последующие ночи, в мыслях своих он все пытался и пытался остановить казнь. Но Иешуа был мертв, кто-то уговорил власти снять его тело с креста и похоронить где-то поблизости в саду. Ахи казалось, что произошла какая-то ужасная, невероятная ошибка. Этот праведник не должен был быть распят, как какой-то презренный разбойник. Что их теперь ждет? Небесная кара, или же неслыханная милость. Почему Бог Израиля допустил такую вселенскую несправедливость? Ахи казалось, что конец света, о котором говорили пророки, вот-вот наступит, но самым страшным было ощущение неизвестности и неопределенности.

Ходят слухи, что в ночь воскресения Иешуа многие святые воскресли и явились живым. И вот один из них, как бы невзначай, зашел и к Ахи. Случайность или точный расчет и непостижимый промысел Творца? Иногда мы понимаем такие вещи спустя только годы, а то и десятилетия или даже века. Но только в очередной раз, проснувшись в холодном поту, тщетно пытаясь во сне все еще остановить казнь, Ахи вдруг заметил, что на стуле кто-то сидит. Инстинкт воина сработал мгновенно, и рука выхватила из-под кровати кинжал, готовясь нанести удар.

Глава 7

Из дневника отца Георгия.

Паришвец Василий.

Говорил ему, ничего не брать без моего разрешения.

Мало того, что взял рукопись, так еще и стал свою Машику в это посвящать.

Письмо я у него забрал, и наказал его за самовольство. Будет на кухне неделю лук и картошку чистить, для смирения.

Хотя тяга у парня к знаниям весьма велика!..

Некоторое время все шли молча, напряженно вслушиваясь в давящую тишину. Хотя, если бы не странный пронзительный, то ли крик, то ли скрип, возникший из неоткуда и так же внезапно исчезнувший неизвестно куда, наверное, эта тишина воспринималась бы всеми как самая обычная подземная тишина. Тоннель был почти ровным, и лишь иногда чуть изгибался вправо или влево. Стены после последней разобранной кирпичной перегородки стали шире, так, что диггеры могли идти, если бы захотели в два ряда по трое в каждом. Однако они предпочли не менять порядок и шли, как и раньше, первый Андрей, затем Влад с Тамарой, за ними Лена и Игорь.

Первые 10–15 минут каждая причудливая тень или неожиданный поворот тоннеля заставляли их вздрагивать, замедлять темп и напряженно вглядываться в темноту, кажущуюся враждебной стеной сразу же за той чертой почти непроглядной тени, которую оставлял мощный фонарь Андрея. Влад тоже достал дополнительный фонарь и постоянно оглядываясь назад, направлял его луч на уже пройденный путь.

Постепенно их напряжение стало спадать, и они все больше успокаивались и раскрепощались.

– Может быть, это была какая-нибудь летучая мышь, которая, испугавшись нас, издала крик и просто улетела? – прервала напряженное молчание Лена.

– Все может быть, – спокойно ответил Андрей, чуть усмехаясь.

Еще какое-то время они продолжали путь молча, после чего Лена снова прервала молчание.

– Ну, что? Похоже, ничего страшного с нами не происходит?

– Пока не происходит, – глубокомысленно отозвался Влад.

– Мне кажется, если бы это было какое-то живое существо, оно бы уже как-то дало о себе знать, – выразила свое мнение Тамара.

– Не обязательно, – подал реплику Игорь. – Оно могло просто испугаться и убежать.

– В таком случае, если оно нас боится, то нам его бояться нечего, – сказала Лена.

Андрей шел молча. Он просто продолжал вслушиваться и всматриваться в окружающую его темную и сыроватую среду тоннеля.

– А что, если это какой-то умный зверь, который притаился, и ждет удобного момента, чтобы напасть? – не унимался Влад.

– Вряд ли, – ответила Лена. – Я изучала повадки хищников. Те из них, которые устраивают засады, не издают подобных звуков перед нападением. Они беззвучно таятся в засаде, наблюдая за приближением своей жертвы, стараясь никак не выдать своего присутствия. Если мы все-таки предполагаем, что это был крик какого-то живого существа, то он был больше похож на предупреждающий сигнал, как какой-нибудь суслик-охранник предупреждает свою стаю о приближении нежелательного гостя. В любом из этих случаев, нам ничего не грозит.

– Да, но я слышал, что некоторые звери не нападают до поры до времени, но, если их загнать в угол, они все же могут напасть от отчаяния. – Продолжал высказывать свои аргументы Влад.

– Не думаю, что это наш случай, – парировала Лена, когда ее вдруг резко прервал Андрей, заставив всех вздрогнуть.

– Тихо! – он поднял руку вверх и резко остановился.

– Все моментально встали, как вкопанные.

– Что-то случилось? – спросили хором Игорь, Влад и Тамара.

– Тсс! – Андрей приложил палец к губам и осторожно двинулся вперед. – Чувствуете?

– Что чувствовать-то нужно? – спросила Лена.

– Тсс! – он снова приложил палец к губам. – Сквозняк.

Только теперь ребята ощутили, что в тоннеле повеяло свежестью и прохладой.

– Что это значит? – спросил Игорь шепотом.

– Все, что угодно, – так же шепотом ответил Андрей, намочил палец слюной, поднял его вверх и снова осторожно двинулся в путь.

Тоннель в этом месте периодически изгибался то вправо, то влево, так, что можно было увидеть лишь несколько метров в свете фонаря.

Осторожно, шаг за шагом ребята продолжили идти, следуя за своим проводником.

Неожиданно после очередного изгиба тоннель "влился" в огромное просторное помещение.

– Вау! – воскликнули несколько ребят одновременно, но Андрей резко прервал их.

– Да, тихо вы! Вы же не знаете, что это такое, и чего нам ожидать от такого сюрприза. Лучше всегда соблюдать осторожность.

Он осмотрелся вокруг, стараясь осветить фонарем все, до чего достигал его луч.

Помещение было похоже на колонный зал какого-то древнего дворца. Оно достигало в высоту около 6–7 метров, со сводчатыми потолками, а в длину и ширину было примерно 10 на 15 метров. На некоторых стенах были видны остатки мозаики.

Андрей посветил на потолок и вздрогнул. Лена, остановившаяся рядом с ним, даже приглушенно вскрикнула, не сдержав своих эмоций. Услышав ее, остальные так же подняли головы вверх.

– Мапочка родная! – только и сказала Тамара.

Со сводчатого потолка на них смотрело жуткое злое лицо – маска смерти.

– Это мозаика, – похоже, с облегчением в голосе сказал Игорь.

– Да, но явно неполная, – вторя ему, сказал Влад, намекая на то, что на месте пустых глазниц и отверстия рта когда-то были выложенные мозаикой глаза и губы.

– Возможно, когда-то она была красивой, – высказала свое мнение Лена.

– Поразительно, да? – сказала Тамара. – Когда-то это было, скорее всего, красивое лицо какого-нибудь доблестного короля или, может быть, даже, святого. А теперь... очень похоже на череп.

– Прямо как у людей, – сделал вывод Влад. – Пока живы – красивы. А как умирают, такая же неприглядная картина.

– А иллюзия такая, будто на тебя смотрит живой скелет с потолка. У меня сначала мороз прошел по коже, – сказала Тамара.

– Да, если, конечно, скелет может быть живым, – попробовала пошутить Лена.

– Вы разговариваете слишком громко, – сказал Андрей громким шепотом.

– Но, похоже, нам ничего не угрожает, – недоуменно высказался Игорь, но все же снизил тон разговора почти до шепота.

– Мы думаем, что нам ничего не угрожает, – ответил Андрей. – Я пока еще не забыл про странный крик. И мне бы все-таки хотелось узнать, что это было.

Тамара взглянула на часы.

– Ребята, времени уже 23:45. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Ого-го! Похоже, нам пора заканчивать наше путешествие, – сказал Влад.

– Ну, вы даете! Дошли до самого интересного, и вдруг заканчивать? Я был лучше продолжила, – обиженно поджала губы Лена.

– Неужели мы весь день с самого утра провели под землей? – удивленно вздохнула Тамара.

– Я предлагаю вернуться, – сказал Игорь. – Учтите, что нам еще идти обратно. Конечно, стены разбирать не придется, но все-таки прошли мы не мало. Я думаю, даже быстрым шагом путь назад займет не меньше двух часов.

– Я думаю, около часа. Но я тоже за возвращение. Не знаю, как вы, а я жутко устал. Надеюсь, по поводу оплаты вопросов не возникает? Как мы и договаривались, день под землей....

– А жаль. Такое интересное место нашли, – разочарованно протянула Лена.

– Мы не подготовлены для ночлега, Леночка, – стараясь говорить как можно убедительнее, но все же с некоторым сарказмом проговорил Игорь.

– Да, знаю я, знаю. Просто хочется все это лучше рассмотреть, – она обвела взглядом теряющееся во мраке огромное помещение колонного зала.

– О чем разговор? Завтра вернемся сюда опять, – предложил Влад. – Кто «за»?

– Я «за», – моментально откликнулась Лена.

– Я тоже, – поднял руку Игорь.

– Я-то «за», – сказала Тамара. – Только выспаться хочется получше. Так что, мне бы не хотелось завтра вставать так же рано, как сегодня.

– Тогда решено. Можно идти назад, – Влад поправил вещь-мешок за спиной и повернул обратно в тоннель. Перед входом он оглянулся на Андрея: – Пойдешь вперед?

– Да, пожалуй. – Он прошел вперед, в последний раз оглянулся на колонный зал и со вздохом шагнул в темное отверстие тоннеля.

Он не любил ходить сзади, но в данный момент ему не хотелось идти и спереди тоже. Больше всего ему сейчас хотелось остаться здесь, внимательно рассмотреть колонный зал и пойти дальше. Теперь, как никогда раньше, его разбирало любопытство, и он хотел узнать, что там по другую сторону этого таинственного подземелья. Он был уверен, что там, где-то по другую сторону, есть продолжение тоннеля, и оно ведет куда-то, где он еще никогда не бывал. Однако какое-то непонятное чувство гордости не давало ему признаться перед ребятами в своих чувствах. Поэтому он шел молча и быстро, злясь и на ребят, и на самого себя. Он готов был даже отказаться от денег, только бы быть приглашенным ими на следующий день, но ему казалось, что тогда он потеряет в их глазах свой авторитет проводника.

Видимо он настолько ушел в свои мысли, что, когда в какой-то момент вдруг снова неожиданно раздался громкий и пронзительный то ли визг, то ли крик, то ли скрип, Андрей вздрогнул и резко остановился. Испуганно оглядываясь по сторонам, он ощутил, как мурашки испуга, пронзившие все его тело подобно разряду электрического шока, с легким покалыванием все еще отзываются эхом в кончиках его пальцев на руках.

Звук был точно таким же, как и в первый раз, только немного громче, и напугал всех без исключения. Девушки инстинктивно завизжали в ответ и закрыли уши, а Влад и Игорь стали беспорядочно светить фонарями во все стороны.

Однако звук не повторился, и как ни странно, не отозвался эхом в отличие от женских голосов, отзвуки от которых еще какое-то время были слышны в глубине тоннеля. Андрей еще в первый раз обратил внимание на эту особенность.

«А звук ли это вообще?» – подумал он в этот раз, когда немного успокоился.

Он посмотрел на стены вокруг и сказал.

– Ребята, похоже, это то самое место, на котором мы слышали это звук в первый раз. Через 20 метров будет место нашего обеденного привала. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Мне нет, – ответил Влад. – Но испугался я здорово.

– Аналогично, – сказала Лена.

– А что это значит для тебя? – спросил Игорь.

– Пока не знаю, но мне бы хотелось кое-что проверить, – Андрей достал маленький баллончик с белой краской и нарисовал им крест на стенах с одной и с другой стороны тоннеля.

– Ты тоже хочешь сюда вернуться? – спросила Лена.

Она попала в точку. Она затронула его в самое сердце этим своим вопросом. Она как будто открыла частицу его сокровенного мира и выставила ее всем напоказ. Но она сделала это так, что он не смог на нее обидеться. Он даже был рад, что она его об этом спросила. Подняв на нее глаза, он какое-то время молчал, думая о том, как ответить, но в ее глазах почему-то светилась неподдельная радость, и все что он смог, это просто кивнуть ей в ответ и беспомощно улыбнуться, как ребенок.

Глава 8

Дмитрий, здравствуй.

Представляешь, мой лучший мастер мозаичник, Федька, который ушел от меня пол-года назад, вчера увидел его в больнице. Он совсем плох. Рассказывает суицие небылицы, хотя, может и правда... Бог знает.

Говорит, что наняли его какие-то очень богатые люди, пообещали хороших денег и, что, в общем-то, не обманули, а заплатили за сделанную работу, как и обещали. Но только, закончить он ее так и не сумел из-за состояния здоровья, так как работать пришлось ему в каком-то подземелье, и строить чуть ли не государев дворец. Он говорит, что там на стенах портреты всех их великих людей уже выложены, а ему пришлось потолочную мозаику выкладывать. Все это в строжайшем секрете. Предупредили, чтобы никому не говорил ничего под страхом смерти. Он и мне-то рассказывал шепотом, так, чтобы никто не подслушал, и все время оглядывался.

И все бы хорошо, работа, она работа и есть, лишь бы платили. Он у меня, судя по его рассказу, раза в три меньше получал. Но только вот, после недели работы у него сон стал пропадать. Потому и вынужден он был бросить работу-то, когда совсем сон пропал. Отдыхать нужно-то. А какой тут отдых, если сна совсем нет. Оттуда и болезни.

Просится ко мне обратно, если выздоровеет. Говорит, лучше меньше, но без этих подземелий. Только просил никому не сказывать, так что, ты, Дмитрий, не распространяйся об этом. Я тебе как другу доверяю, потому и делюсь. А вдруг малый правду говорит...

Крепко сжимая рукоятку ножа, Ахи протер глаза, ни на миг не ослабляя внимания. Человеческий силуэт издавал легкое сияние, освещая собой темную комнату.

«Незнакомец у меня в доме? Неслыханная дерзость!» – подумал он.

– Не вздумай пошевелиться! Замри, иначе ты мертв! – приказал Ахи, не спуская глаз с силуэта в углу.

Однако незванный гость, как будто не слыша угрозы, поднялся и шагнул навстречу к Ахи.

Реакция натренированного воина сработала мгновенно. Ахи метнул нож быстро, как молния, готовый, если это будет необходимо, и к следующей атаке.

И тут случилось невероятное.

Ахи никогда не промахивался. Еще в молодости, когда они развлекались с друзьями в римских забегаловках, он, бахвалясь молодостью и удачей, всегда попадал в цель даже в состоянии сильного подпития. Он мастерски владел любым оружием, луком, копьем, мечом, пращей. А метание ножа было вообще его страстью. Нет, он не мог промахнуться, просто..., как такое могло случиться?! ... просто кинжал пролетел насквозь и, почему-то замедлив свой полет, как в тумане, вонзился в стену позади незнакомца?! Что-то очень знакомое было во всем происходящем.

В одно мгновение в голове у воина пронесся целый вихрь разных мыслей и вариантов возможных действий.

– Кто ты? – резко спросил он.

– Ты не узнаешь меня, Ахи?

– Нет, – ответил воин, судорожно соображая, что же ему теперь делать, однако отметив про себя, что ему знаком этот голос.

«Разве что метнуть еще и нож, лежащий рядом на столе? Он пусть и кухонный, но все же тоже оружие. А может быть, схватить меч, висящий на стене над кроватью?»

– Хочешь метнуть в меня еще один нож? – спросил силуэт, как только воин подумал о том, чтобы схватить его. – Думаешь, тебе это поможет?

И тут Ахи охватил неестественный суеверный страх. Нет, он не боялся людей, но, когда речь заходила о представителях потустороннего мира.... С детства ему внушали страх перед загробными обитателями, рассказывая всякие были и небылицы. Не редко возвращаясь из синагоги домой, после таких разговоров, ему за каждым кустом мерещился бес.

– Не подходи! – крикнул Ахи, вскочив с кровати и с кухонным ножом в руке отступив в дальний от посетителя угол комнаты.

– Не бойся, человек. Я не причиню тебе зла, – спокойно ответил некто и, еще увереннее шагнув вперед, простер в его сторону руку. Каким-то необъяснимым образом Ахи понял, что этому существу, излучающему умиротворяющий свет, кем бы оно ни было, не страшен нож, и смерть вообще, как таковая. Его рука задрожала, он выронил свое импровизированное оружие и упал на колени, в страхе закрыв голову руками. На его дрожащие от напряжения плечи опустились теплые ладони. Он вздрогнул, но от этих рук исходило какое-то невероятное успокаивающее тепло. Это была какая-то давно забытая, похожая на материнскую, любовь, которую ощущаешь не просто своим телом, а чем-то бóльшим.

– Не бойся, встань, я пришел с миром.

От слов неизвестного исходила сила и проникала прямо в сердце. Ахи почувствовал смелость и поднял глаза на говорящего.

– Кто ты?

– Ну что ж, попробуй вспомнить. Намекну, – ты присутствовал на моей казни.

Публичные казни не были редкостью, Ахи не любил подобные зрелища, но иногда, подолгу службы ему приходилось бывать на некоторых из них, например, сопровождая Первосвященника.

Воин заставил себя подняться с колен и взглянуть в глаза своему необычному посетителю. Как ни странно, но он поймал себя на мысли, что им сейчас движет самое обычное человеческое любопытство. Что-то до боли знакомое было в этом голосе, и он очень хотел узнать, кем был его ночной гость. Из его глаз исходил такой свет, что, когда Ахи встречался с ним взглядом, покой и нега разливались по телу воина. Подобные ощущения он уже испытывал однажды, когда в толпе его глаза случайно встретились с глазами Иешуа, но это был явно не он. Теперь Ахи понимал, что ему нечего опасаться, да и сопротивляться нечему.

Но вот что было непонятно; воин точно знал, что он эти глаза уже где-то видел, и слышал этот голос.

Меж тем посетитель продолжал:

– Меня зовут Иона. Я был одним из учеников Иханан бен Зкарья. Помнишь, я говорил тебе, что мы еще встретимся?

И тут Ахи все вспомнил, да так ярко, как будто это случилось лишь час назад. Его бросило в жар, словно полуденный зной вдруг ворвался в дом и обдал его сухим порывом раскаленного восточного ветра.

Нешадно палящее июльское солнце, казалось, задалось целью забрать последние остатки влаги из всего живого, что еще осмеливалось выйти из-под покрова тени. Иссушенный зноем пустырь дышал пылью – противным удушливым облаком, поднимающимся из-под копыт лошадей. Закованный цепями измученный узник, подталкиваемый римскими солдатами на место казни, тяжело переставлял ноги. Несколько конных воинов остановилось возле колесницы Ахи, прибывшего сюда раньше и ожидающего, когда приведут заключенного для окончательного опознания.

Это был особый случай. Ахи тогда выступал только в роли свидетеля. Осужденного обвиняли в публичном оскорблении царя Ирода. Так получилось, что Ахи был рядом, когда первосвященнику нужно было встретиться с царем по какому-то делу. Пока они разговаривали внутри колесницы, воин находился снаружи, поскольку разговор был конфиденциальным.

Внезапно толпа zelотов атаковала колесницу царя, открыв стрельбу из луков и пращей.

Это было глупо. Опытные римские воины легко отразили атаку, убив троих нападавших и ранив еще около пяти человек.

Среди толпы нападавших были и безоружные, но они что-то выкрикивали в адрес царя и жены его брата Филиппа. Одного из них Ахи хорошо запомнил, может быть именно потому, что он пытался, как казалось, что-то объяснить кричащим, и вел себя не как все. Однако, когда Ахи заикнулся об этом в присутствии первосвященника и Ирода сразу после покушения, его принудили дать показания.

Итак, видимо окончательно измучившись от пути, человек в цепях упал на колени в нескольких шагах от него.

Раздраженный сотник, выкрикивал короткие команды. Он был явно не в духе, что было нормально для таких как он, если им приходилось исполнять подобный приказ в такую жару.

– Это он? – спросил сотник, указывая на узника.

Ахи взглянув внимательно в лицо несчастному. Да, это был тот самый zelот, которого он запомнил. Коснувшись подбородка осужденного плоской частью лезвия меча, сотник заставил его поднять голову так, чтобы его можно было хорошо рассмотреть.

Глаза их встретились, и начальник службы безопасности замер. Неожиданно для себя он наткнулся на этот взгляд, полный прозорливости и любви.

Слова застряли у него в горле. Он вдруг понял, что сейчас по его слову предадут смерти праведного человека.

– Так это он или нет? – повторно выкрикнул свой вопрос римлянин тоном, который требовал немедленной реакции.

С огромным трудом Ахи утвердительно кивнул и выдавил из себя тяжелое неповоротливое «да», после чего поперхнулся, закашлялся и отвернулся, как бы для того, чтобы прочистить горло.

Он почувствовал себя странно. Меньше всего он ожидал, что его охватит чувство стыда перед этим приговоренным, поэтому он опустил голову, чтобы не видеть казнь. Однако, когда узника подвели к месту казни, тот неожиданно закричал:

– Мы еще встретимся, Ахи. Вот увидишь, мы еще встретимся.

Услышав свое имя, воин вздрогнул. Несмотря на жару, по его коже прошел мороз.

«Откуда он знает меня?»

И он заставил себя поднять голову и взглянуть...

Как в тумане он увидел стрелы, медленно летящие в грудь приговоренному и вонзающиеся в его незащищенное тело.

– Вижу, ты вспомнил.

В его голосе не было ни малейшего осуждения. Несмотря на это Ахи снова стало ужасно стыдно за тот случай, и он снова почувствовал себя растерянно перед этим праведником. Вместе с тем ему очень хотелось узнать, как этот человек, который был некогда убит, теперь стоит перед ним живой и невредимый? Однако спросить его об этом напрямую он почему-то боялся, а только почтительно склонив голову, спросил:

– Чем обязан?

– Я пришел к тебе с доброй вестью, Ахи. Иешуа ха Машиах, о смерти Которого ты так скорбел, воскрес из мертвых, и теперь жив, как ты видишь живым и меня.

– Но, как такое возможно? – воин одновременно и обрадовался, и удивился.

– Случилось то, что должно было случиться. Об этом было предсказано Пророками и Мудрецами, и это исполнилось. А я пришел к тебе, чтобы ты об этом знал. Вскоре пронесется слух о Его воскресении, как и о том, что это все якобы обман. Но ты должен знать правду.

– Почему? Чем я обязан такой честью? – продолжал недоумевать Ахи.

– Для тебя у Учителя тоже есть поручение. Но об этом позже.

С этими словами Иона развернулся и ушел, к еще большему удивлению воина просто пройдя сквозь стену в том самом месте, где все еще торчал брошенный Ахи кинжал.

Глава 9

Из дневника Якова Зверева, историка.

Неделю назад разговаривал с бабкой Дарьей, знахаркой. Она поведала мне, что у нее есть древний рецепт, который открывает внутренние очи. Предложила испробовать. Сказала, что, стоит сделать несколько глотков, и начинаешь видеть духовный мир. Только предупредила, что мир этот страшный, один раз посмотришь, и видеть не захочется. Я спросил: «может быть, это обычные галлюцинации?» А она: «нет, милок. Галлюцинации просто так не бывают, а бывают, когда человек бредит, или грибами или еще чем отравился, а здесь ты полностью в своем уме, но при этом мир духов перед тобой, как на ладони». А я ей: «ну, и зачем мне такой отвар нужен?» А она: «так ведь, не всегда знаешь, кто перед тобой, а здесь, если есть у человека злой дух, ты его видишь, а он и не подозревает, что ты о нем такое узнал. Да и, часто люди и не знают, что они бесами мучимы, а ты знаешь, и постарайся быть подальше от такого человека». Я говорю: «и что мне делать, если я эту нечисть увижу?» а она: «Ты, главное, виду не подавай, чтобы не бес ни человек не знали, что ты их видишь, ну, а потом сам поймешь, что тебе с этим делать».

В общем, взял я у нее эту травку.

Сегодня решил испробовать на одном посетителе. До сих пор в себя прийти не могу.

Налил себе грамм сто перед разговором, жидкость кисло-сладкая, противная. Он еще не зашел, а я смотрю, в комнату вползает прямо сквозь дубовую дверь, не открывая, нечто между крысой и человеком. Здоровуций! Лицо человеческое, только зубы как у грызуна торчат, а лапы крысиные. А взгляд злющий, вовек бы не видать.

А оторопел, но вовремя вспомнил, что старуха сказала, виду не подавать. Трудная это была задача.

Эта тварь на меня зыркнула, а я глаза отвел, будто не вижу ничего.

Потом и сам посетитель вошел, и бес сразу рядом с ним встал.

Я ему прямо сходу и говорю: «извините, мол, в ваших услугах не нуждаемся».

А он давай меня дурманить, что у них очень важное общество с большим будущим, и все такое. Насилу его выпроводил, ну, а эта нечисть за ним сразу и вышла...».

Собака радостно лаяла, глядя на экран.

– Что там, Жуля?

Хозяин собаки, коренастый крепыш, полулежал, полусидел, в кресле-качалке изысканной резной работы и, лениво покачиваясь, смотрел на большой экран телевизора.

Она продолжала лаять и даже повизгивать от нетерпения, ожидая, когда хозяин соблаговолит встать и внять ее просьбам.

Наконец крепыш нехотя оторвался от телевизора, подошел к плоскому монитору компьютера и посмотрел на него.

– О! Действительно, интересно! Ты, умница, Жуля. Просто умница!

На экране беспорядочно двигались несколько светящихся точек в непосредственной близости с неким объектом, обведенным на экране двойной красной линией.

– Они подошли довольно близко, да? И нам это не нравится. Что ж, придется предпринять некоторые меры предосторожности.

Он погладил собаку по голове и насыпал к ней в миску новую порцию сухого собачьего корма.

Звонок телефона на журнальном столике рядом с кроватью вывел Андрея из какого-то тревожного сна, содержание которого он тут же забыл. Вначале ему показалось, что звонит

будильник, который он поставил на 07–00 утра вчера вечером, хотя, если говорить точнее, это было в половину третьего уже сегодня утром, когда он добрался, наконец, до постели.

Неизвестно во сколько бы он лег спать, если бы Лена не позвонила знакомому таксисту, который, когда они вышли все-таки наружу после своего приключения в тоннеле, развез их по домам за символическую плату, что было весьма великодушно с его стороны. Видимо, услышав, что ребята занимаются черным диггерством, парень исполнился к ним настоящим уважением.

Мобильник продолжал настойчиво наигрывать турецкий марш, когда Андрей, наконец, понял сквозь сон, что это не будильник, и окончательно проснулся. Он посмотрел на часы – они показывали 08:14.

«О, Боже! Похоже, я проспал, – подумал он и, протянув руку, схватил мобильник со стола.

– Але!

– Ну, наконец-то! А я уже подумала, что ты решил нас кинуть.

Это была Лена. Он отметил про себя, что ему очень приятно, что ему позвонила именно она.

– Привет, ...похоже, я проспал, – ответил он, пытаясь вспомнить, слышал ли он звонок будильника.

– А-а! – с облегчением в голосе протянула она. – А то мы уже все собрались и готовы отправиться на место. Только до тебя не могли дозвониться.

Он потер лоб, пытаясь собраться с мыслями. В голове немного шумело. Тело ломило.

«Не мудрено после вчерашнего», – подумал он.

– Я сейчас. Только чаю попою быстренько и прилечу.

– Минут двадцать тебе хватит?

– Да, около этого.

– Тогда, я жду тебя на месте, – сказала Лена и положила трубку.

«Я жду тебя...? – мысленно повторил он ее последние слова. – Хм..., странно, но приятно».

Он быстро привел себя в порядок, выпил чашку горячего крепкого чая с парой-тройкой бутербродов и, захватив приготовленный с вечера вещь-мешок, выскочил из дома.

Когда он прибыл на место, все, кроме Игоря, уже были в сборе возле входа в тоннель.

– Привет всем! А где Игорек? – спросил он.

– Его не будет. Говорит, что заболел. Видимо, не выдержал вчерашней нагрузки, – ответил Влад, немного нахмурившись. Вид у него был сонный.

– И, что? Seriously заболел? – спросил Андрей ради приличия, поскольку на самом деле Игорь его не особенно интересовал.

– Говорит, что у него температура, и горло першит, – ответила Лена.

– А, понятно. – Он посмотрел на нее, на Влада, потом на Тамару. От его внимательного взгляда не ускользнуло, что Тамара накрашена наспех, Влад чем-то явно недоволен, а Лена, как и вчера, выглядит безупречно и смотрит на него с загадочной улыбкой:

«А, может быть, мне это только кажется? Наверное, не стоит быть слишком мнительным? – подумал он и сказал:

– Ну, что, в путь?

– В путь, так в путь, – ответил Влад, повернулся, закинул за плечи рюкзак и, на ходу поправляя фонарь на голове, зашагал к тоннелю.

Тамара молча пошла за ним, а Лена, прежде чем повернуться, неожиданно озорно подмигнула Андрею, и только потом быстро пошла вслед за Тамарой нарочито игривой походкой.

Он вздохнул и пошел за ней. Ему нравилась Лена, но ему не нравились подобные игры, если он не был уверен в серьезности намерений и не знал, что за всеми этими знаками внимания стоит. До сих пор он воспринимал Лену, как девушку Игоря, и ему совсем не хотелось влезать в чьи-то отношения.

«Только служебных романов мне не хватало! – подумал он, опускаясь в темную прохладу подземелья.

Глава 10

Начальнику городской стражи, Василию Воеводину.

Донесение.

По вашему приказу я поручил десяти солдатам под началом поручика Данилы Вербного проверить старые катакомбы, чтобы развеять слухи и легенды о так называемом крысином оборотне, которые в последнее время участились среди горожан.

Вынужден с большой тревогой сообщить вам, что назад вернулись лишь пять из них. Остальные, включая самого поручика, пропали без вести. Учитывая, что из тех, кто вернулся, только двое оказались в более-менее вменяемом состоянии, причину пропажи остальных пяти выяснить не удалось. Трое солдат совершенно безумны, и несут полную околесицу. Лишь один из них, придя в себя на очень короткое время, на вопрос, куда делся его командир, ответил, что его сожрал оборотень. А те двое, которые могут связно говорить, тоже полны страхов и рассказывают о том, что в подземелье видели крысиные следы огромных размеров.

Жду ваших дальнейших распоряжений.

Капрал Аким Светличный.

Подполковник Лавров как раз подошел к подвальному помещению, когда его нагнал посыльный сержант. Лавров привычным взглядом окинул посыльного; воин был безупречной выправки даже с учетом того, что это был президентский полк.

Отдав честь по уставу, сержант четко и спокойно представился.

– Сержант Гофман. Разрешите доложить, товарищ подполковник?

– Немец, то бишь? – Прищурил Лавров левый глаз, глядя на солдата и прикладывая два пальца к козырьку офицерской фуражки.

– Никак нет, товарищ подполковник. Я русский.

– А фамилия почему немецкая?

– Не знаю, товарищ подполковник

– Ну, докладывай, Гофман.

– Генерал-лейтенант Борухин срочно вызывает вас на связь.

– Генерал-лейтенант? У-у! Какая честь! И как срочно?

– Приказ был: «одна нога здесь, другая там», – товарищ подполковник.

Лавров усмехнулся.

– Как-то не видно по тебе, чтобы ты сильно запыхался.

Воин пожал плечами.

– Специальные войска.

– А-а, ну да, вышколены вы, что надо. Ладно. Сейчас буду.

Он хотел уже позвонить капитану, командующему отделением, работающим в подвале, но тут вспомнил, что мобильный телефон там все равно недоступен, и махнул, было, рукой, но потом вдруг спросил:

– Слушай, Гофман, а давай-ка сбегай в подвал в дальнее крыло. Скажи капитану Груздеву, что я буду сразу после разговора с Борухиным.

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Почему?

– Приказ вышестоящего командования; немедленно возвращаться сразу после встречи с Вами.

– А-а! Ну, ладно..., давай.

Сержант козырнул, цокнув каблуками и, резко развернувшись, побежал в своем направлении, а Лавров направился к Борухину.

«И зачем я ему понадобился?» – думал он.

Ахи подошел к стене и, выдернув из нее нож, вонзившийся в желтый ракушечник, из которого была выложена стена дома, пощупал место, где только что прошел Иона.

«Надо же! Как это он так? Не иначе, ангел».

Там, где он прошел, стена была чуть теплее.

Тут воин поймал себя на том, что у него совершенно нет суеверного страха, и более того, ему радостно от услышанного.

«Значит, Иешуа воскрес-таки! – подумал он, и от этой мысли его наполнило какое-то необычное восторженное волнение. – Однажды я слышал, как Он говорил это своим ученикам, но тогда я не понял, что Он умеет в виду. А оказывается, это было никакое не иносказание, а вполне прямое заявление. Ну, а почему бы и нет, если он воскресил сына той одинокой вдовы, а затем и Лазаря. Но что этот Иона имел в виду, когда сказал, что у Учителя есть для меня какое-то поручение? Странно! Для меня поручение?! Лично у Учителя для меня?! Очень странно»!

Ахи понял, что в эту ночь ему уже не уснуть, и поэтому он накинул на плечи тунику, захватил нож и вышел во двор, чтобы поразмыслить обо всем произошедшем на свежем воздухе.

Миловидная секретарша приветливо улыбнулась навстречу Лаврову и, доложив о его приходе, сказала:

– Вы можете проходить. Вас ожидают.

Табличка на двери гласила:

Генерал-Лейтенант

Борухин Андрей Яковлевич

Войдя внутрь, Лавров постучал по двери изнутри.

– Разрешите войти.

В кабинете у Борухина приятно пахло чем-то сладковато-приторным.

«Похоже на индийские ароматы», – подумал подполковник.

Сидящий за столом Борухин чуть поднял голову и мельком взглянул на него из-под косматых густых бровей.

– Входи-входи. Присаживайся.

Кабинет генерал-лейтенанта был отделан красным деревом в строгом, но очень дорогом стиле. Вокруг большого продолговатого с закругленными краями стола стояли ровно и аккуратно темно-коричневые под цвет стен удобные кожаные стулья, на один из которых и опустился Лавров, чувствуя себя необычно скованно и неуверенно; от Борухина как будто веяло чем-то вызывающим благоговейный трепет.

Какое-то время он еще дописывал документ, лежащий перед ним на столе, после чего поставив число и размашистую загогулистую подпись, он откинулся на спинку стула еще более удобного, чем тот, на котором сидел Лавров, и улыбнулся.

Подполковнику сразу стало легче от этой улыбки, и он почувствовал себя гораздо увереннее. Борухина лицом к лицу он видел впервые, и к его удивлению у генерал-лейтенанта оказались ясные голубые глаза и открытая почти детская улыбка.

– Ну, с чем пожаловал? – спросил Борухин, обескуражив Лаврова своим вопросом.

– Разве Вы меня не вызывали?

– Вызывал, вызывал. Ты ведешь работы в подвальном помещении 2-й башни?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

Борухин поморщился.

– Ой, давай без этих официальных, Евгений, ладно?

– Ладно, Андрей Яковлевич.

– Ну, так вот..., скажи мне, кто давал разрешение на работы?

– Генерал-майор Гордиенко.

– А-а, Гордиенко, значит. Что ж, тогда ознакомься, пожалуйста, – Борухин протянул ему документ, лежащий справа от него на краю стола.

Лавров взял бумагу и пробежался по ней глазами. Документ гласил, что в 1987 г. под руководством подполковника Морозова с разрешения генерал-подполковника Борухина во 2-й башне в подвальном помещении проводились ремонтные работы, связанные с закрытием подземного помещения размером 11,5х3,4х2,6метра, и ведущего к нему подземного хода размером 21,7х1,5х2метра. За ненадобностью доступ к помещению и подземному ходу были замурованы... и т.д.

Дочитав до конца, Лавров удивленно поднял брови

– Странно! Я только недавно пересматривал архив, но этого документа не встречал.

– Действительно, странно.

Несмотря на радушие и спокойствие на лице Борухина, он излучал власть всем своим существом, и из-за этого подполковник, хоть и не так, как в начале, но все-таки чувствовал, что расслабляться до конца здесь нельзя.

– Так или иначе, – продолжил генерал-лейтенант, после внушительной паузы, – документ есть, и работы во 2-й башне ведутся только из-за вашего недосмотра.

– Прикажете остановить работы? – спросил Лавров, чувствуя, что при неосторожном подходе радушный генерал-лейтенант может внезапно превратиться в громовержца.

Борухин чуть помедлил, прежде чем ответил.

– Я не утверждаю, Евгений, что это был твой недосмотр. Вполне допускаю, что ты свою работу выполнял со всей ответственностью, но, увы, мы все люди, и можем ошибаться, поэтому, давай поступим следующим образом. Я закрою глаза на твой или еще чей-то недосмотр, но ты мне будешь докладывать о том, как идут дела. А я, так уж и быть, сделаю вид, что это была запланированная акция. Иначе мне придется искать виновного, и вряд ли им окажется Снежин или, тем более, Гордиенко. Вам ясно, подполковник?

Совершенно неожиданно Борухин перешел на официальное «Вы», и в его голосе зазвучал звенящий до рези в ушах металл.

«Вот тебе и, «не надо официальных»», – подумал Лавров.

– Предельно ясно, товарищ генерал-лейтенант. Как прикажете докладывать? Лично?

– Ну, нет. Это излишне. Выберешь у себя толкового парня, и он будет мне приносить детальный отчет в конце каждого дня или чаще, если в этом вдруг возникнет необходимость. Хорошо, Евгений?

– Как прикажете, Андрей Яковлевич.

– Ну, тогда, выполняй. Будь здоров.

Борухин пожал подполковнику руку и, положив перед собой лист бумаги, снова стал что-то писать, давая понять, что разговор окончен.

Глава 11

*Дорогая Клавдия, сестра моя возлюбленная,
пишу тебе, поскольку душа моя пребывает в великом страхе и смятении.*

Я долго не решилась тебе написать, потому что боялась, и потому, что думала, что ты мне не поверишь. Однако видит Бог, я больше не могу терпеть.

Ох, права была матушка твоя, когда отговаривала меня выходить за Андрея. Но что было делать? Я тогда была влюблена и глупа.

В общем, то, что она тогда говорила, что она чувствует, что он лукавый человек, оказалось правдой. Но что страшнее, он не просто лукавый, он еще и служит лжи, причем в самом ее ужасном воплощении.

Вчера вечером, когда я в очередной раз стала требовать от него, чтобы он открыл мне тайну, куда он все время уходит от меня по ночам, он вдруг перестал отпираться, а сказал, что, раз я так хочу, он меня возьмет с собой, но только тайно.

Я ведь думала, что он мне изменяет с кем-то, а он повел меня какими-то закоулками и привел в какое-то подземелье. Там он меня спрятал в укромном месте, и сказал сидеть тихо.

Ой, натерпелась же я страху, Клавочка.

Через полчаса пришли еще люди и стали что-то говорить, я незаметно за ними подглядывала. Они говорили как-то чудно, все вместе хором непонятные слова. А потом мне по-настоящему страшно стало, и я стала просить, чтобы Боженька сделал меня невидимой.

И тут среди них появился суций демон. Страшный такой, слов нет. Он еще как-то закричал пронзительно. Они ему стали кланяться, а я только сильнее молиться стала.

Не знаю, сколько это длилось, но я чуть не лишилась чувств. Потом все закончилось, и все разошлись. Андрей уходил последний и сделал мне знак незаметно, чтобы я шла за ним на расстоянии. А дома заклил меня никому ничего не говорить, если я жить хочу.

Я ему попробовала сказать, что он что-то не то делает, а он мне в ответ: «Ты что, глупая! Мы же Богу служим».

Я говорю: «Какому же Богу, если он такой страшный, и так кричит?» А он в ответ: «Ты с ума сошла, Маруся! Разве это дивное пение можно назвать криком?»

В общем, не знаю я теперь, что делать, Клавочка.

Может, посоветуешь что?

Твоя сестра,

Маша.

На улице было на редкость свежо и приятно. Обычно за день солнце так раскаляло все вокруг, что жара ощущалась почти до рассвета, обычно, но не сегодня. Эта ночь была совершенно особенной и удивительной. Небосвод был усыпан звездными каскадами, чьи причудливые скопления время от времени пересекали искрящиеся дорожки метеоритов и, как показалось Ахи, звезды светили особенно ярко сегодня.

Размышляя над словами ночного посетителя, Ахи решил немного прогуляться вдоль улицы, погруженной в ночной покой и темные тени серых и блеклых очертаний домов. Кое-где сквозь закрытые оконные ставни все же пробивались полоски света мерцающих свечей. Город мирно спал, охваченный тишиной.

Ахи не имел привычки гулять по ночам, поэтому ощущение ночного одиночества было новым и интересным. Лишь изредка можно было услышать лай собаки, блеяние овцы или отдаленный крик ночной птицы. Благодаря свету почти полной луны и ярких звезд, дорогу было видно хорошо, и Ахи уверенно шагал по высушенному дневным зноем грунту. В дневное время эта дорога была все время наполнена движением людей и скота.

Внезапно Ахи различил в ночной тиши чей-то приглушенный разговор, и тут же ускорил шаг и пошел на звук.

Пройдя шагов 50, он вышел на перекресток и стал под ветвистую корону растущей у дороги смоковницы.

Голоса приближались. Вскоре Ахи стал различать отдельные слова и фразы разговора, и одновременно с этим он увидел две фигуры, маячившие во мраке.

– Ты не понимаешь, – говорил один. – Если бы Он был безумным, Он не смог бы так говорить и творить такие чудеса.

– Согласен, – ответил второй. – Но тогда совершенно непонятно, зачем Он позволил себя убить?

– Не знаю. Если бы знать..., – вздохнул он. – Но ты знаешь, у меня такое чувство, что еще не все потеряно. Как будто бы Он еще должен вернуться. «Это о Иешуа!» – подумал Ахи, и у него взволновано заколотилось сердце.

– Да, брось ты! О чем ты говоришь? – махнул рукой второй. – Я лично видел, как сотник вонзил в него копье.

– Ну, и что? Ведь он же говорил, что воскреснет на третий день. Разве ты не помнишь, как Он воскресил Лазаря? Почему ты думаешь, что Он не может воскресить Себя?

На этих словах они поравнялись с Ахи, и он выступил из своего укрытия.

– Я вас правильно понял? Вы ведь говорите про Иешуа? – спросил он, но увидев его, эти двое почему-то дико закричали и бросились бежать.

Ахи бросился за ними, крича на ходу:

– Стойте! Подождите! Я не причиню вам зла.

Не слушая его, они продолжали бежать, но это было не так-то просто, убежать от хорошо натренированного воина.

Ахи отлично бежал. Не отставая ни на шаг, он бежал легко и почти дышал в затылок убегающим, при этом продолжая кричать:

– Да, стойте же. Остановитесь, я вас прошу. Мне нужно что-то у вас спросить.

В конце концов один из убегающих, тот что говорил о воскресении Иешуа, вдруг споткнулся, упал прямо посреди дороги и, видимо больно ударившись, вскрикнул, закрыл голову руками, и так и остался лежать ниц. А второй схватил увесистую палку, как специально положенную кем-то в этом месте у дороги и, угрожающе замахнувшись, надрывно закричал:

– Не подходи! Что тебе нужно от нас? Оставь нас в покое.

Тут Ахи обратил внимание, что на поднятый ими шум собаки подняли лай, овцы и козы стали блеять в своих стойлах, а в некоторых домах стали зажигать свет.

– Тихе-тише, – примирительно заговорил Ахи, подняв руки перед собой ладонями вперед. – Я не желаю вам зла.

– Тогда зачем ты следишь за нами? – крикнул человек, и еще выше поднял палку.

– Это вышло случайно. Я просто гулял, – ответил Ахи.

– Те врешь! – он замахнулся и попробовал ударить Ахи, но опытный воин легко уклонился от удара и ловким движением вырвал палку из его рук, сломал ее об колено и отбросил в сторону.

– Прекрати! Я пошел за вами, потому что вы говорили о Иешуа.

– Что тебе до Иешуа, незнакомец? – продолжал кричать лишившийся своего оружия человек.

– Сегодня у меня был Иона, один из учеников Ионы бен Зкарья. Может быть вы знаете такого? Он сказал мне, что Иешуа жив.

– Ты лжец! Иона мертв, и Иешуа тоже. Я был на похоронах и того и другого.

– Иона БЫЛ мертв, – как можно мягче попробовал возразить Ахи. – И он сказал, что и Иешуа БЫЛ мертв. Но сейчас Иона жив, и я свидетель тому. Поэтому у меня есть основание верить, что и Учитель тоже жив.

В пылу эмоций ни Ахи, ни его оппонент не заметили, что второй из убежавших поднял голову и внимательно слушает их разговор. Поэтому его вопрос прозвучал для Ахи совершенно неожиданно.

– Ты знал Иону? – Спросил он.

– Да, знал.

– Мы были друзьями. Иона и я были учениками Иоанна Бен Зкарья – Крестителя. Но откуда ты знал его?

Настал черед для Ахи смутиться. Он не знал, что отвечать на этот вопрос, потому что ответить правду был пока не готов. Поэтому он предпочел занять привычную для себя позицию нападающего.

– Что тебе до того, откуда я знаю его? – сказав это, Ахи почувствовал, что совершает ошибку. Как будто бы своей неискренностью он сам закрывает для своего собеседника двери к принятию, но отступать было поздно, поэтому он продолжил. – Час назад Иона был у меня живой и сияющий, как Моше Рабейну после горы Синая. Он сказал, что для того и пришел ко мне, чтобы возвестить, что Иешуа воскрес. Я не видел воскресшего Иешуа, но я видел Иону и вполне могу поверить его словам.

В этот момент в разговор снова вмешался третий, который до этого момента стоял молча и отряхивал одежду. Обращаясь не к Ахи, а к своему приятелю, он спросил:

– Слышал когда-нибудь подобное? Ха-ха! Он, видишь ли, верит его словам! Не знаю, как ты, а я не словам Ионы не верю, а прежде всего не верю словам этого ночного сумасшедшего. Может быть, это я такой скептик? Вот ты, Ёся, ты веришь этому безумцу?

– Не знаю. Скорее всего, нет, – ответил тот.

Тогда приятель Ёси, повернувшись к Ахи, громко и твердо сказал:

– Мы тебе не верим. Тебе от нас что-нибудь еще нужно?

Не зная, что ответить, Ахи пожал плечами.

– Да ничего мне от вас не нужно.

– А-а, понятно! – В его голосе звучала ирония и наигранное разочарование. – Ну, раз тебе ничего больше от нас не нужно, тогда ступай себе туда, куда шел. Мы тебя не трогали, и ты нас не трогай, хорошо? Ступай своей дорогой, а мы пойдем своей.

Он похлопал своего спутника по плечу, уверенно взял его за руку и потащил за собой в том направлении, куда они и шли до встречи Ахи, оставив его озадаченного одиноко стоять посреди дороги.

Вскоре их молчаливые силуэты растворились в ночной мгле, лай собак и блеяние скота постепенно стихло, в окнах домов снова погас свет, и вокруг воцарилась тишина.

Какое-то время Ахи все еще смотрел вслед исчезнувших в сумерках силуэтов, пытаясь осмыслить все, что сейчас произошло, и вообще, зачем он здесь, посреди дороги, посреди ночи, посреди темных молчаливых домов один...

Затем он глубоко вздохнул, ощутив своей грудью всю ночную свежесть чистого, лишеного дневной, поднятой ногами прохожих и копытами животных пыли, и поднял глаза на небо.

О-о! Небесный купол простирающийся от горизонта до горизонта был, как никогда, прекрасен, будучи усыпан мириадами звезд, пересекаемых время от времени светлыми дорожками падающих метеоритов. Зрелище было столь великолепным, что Ахи так и замер, замороженный величественной картиной ночного небосвода. Буквально через пару минут он уже забыл о том огорчении, которое он почувствовал, было, после встречи с ночными спутниками и, снова вернувшись мыслями к тому, что сказал ему Иона, хотел уже возвратиться домой, когда вдруг за его спиной зазвучал до боли знакомый ни с чем несравнимый бархатный баритон:

– Люди – удивительные творения, не так ли?

Ахи резко обернулся и увидел перед собой высокую светлую фигуру человека в длинном хитоне.

– Ты ожидаешь от них одного, а они поступают совсем не так, как ты думаешь, да? Что имеют, не хранят, а потеряв, расстраиваются. Одним словом, Люди.

Его одежда была чище и белее снега, и от нее исходило сияние, как и от одежды Ионы, а лицо сияло еще ярче. Его глаза буквально светились любовью, а на губах играла едва заметная улыбка, но не усмешка, а именно улыбка, которая выражали ничто иное, как благорасположение к Ахи. Его руки, выглядывающие из рукавов хитона почти по локоть, сияли так же как его лицо, но это сияние никак не помешало Ахи увидеть отверстия на запястьях – следы от гвоздей. Даже без вопросов Ахи сразу понял – перед ним был Учитель. Теперь у воина не осталось никаких сомнений – Иешуа был действительно Машиах.

– Если бы ты был до конца искренен, они бы не ушли, – мягкие слова Учителя проникали прямо в сердце, поражая своей простотой и точностью, но в Его тоне не было ни малейшего осуждения.

Благоговейный страх моментально охватил Ахи, ноги воина ослабли, и он в трепете пал на землю лицом ниц перед Иешуа, закрыв голову руками.

– Встань Ахи, не бойся.

На плечо воина опустилась рука, от которой по телу моментально разлилось дивное ощущение какого-то неземного тепла, любви и принятия. Удивительно, но Ахи почувствовал, как это тепло наполняет его силой и смелостью. Оно было похоже на то, что исходило от Ионы, но только было значительно сильнее.

Он поднялся с земли и встал во весь рост перед Иешуа, и даже поднял на Него глаза, чтоб посмотреть Ему в лицо.

Машиах улыбался. Его глаза излучали теплоту, заботу и понимание. На его лбу все еще были видны раны от терновых игл, но они выглядели отнюдь не безобразно, а напротив, удивительно и славно, издавая особое свечение. От Него веяло простотой и человечностью, то есть с Ним было просто по-человечески хорошо и комфортно, но в то же время всем своим существом Ахи ощущал, что перед ним не просто человек.

Не зная, что сказать, Ахи продолжал, молча стоять, созерцая Иешуа и думая, что никогда он еще не ощущал такой необыкновенный мир и покой внутри себя, как сейчас, когда он стоит перед Ним.

Говорить не хотелось. Слова были почему-то не совсем уместны в этот момент. Хотя, может быть потому, что не все можно передать словами, как нельзя было передать словами и то ощущение себя, своего предназначения, своей цены и значимости в глазах Того, Кто, как чувствовал в этот миг Ахи, знает о тебе все, потому что это именно Он однажды подарил тебе существование на этой земле.

Сколько это продолжалось, было трудно сказать. Может быть лишь миг, а может целую вечность. Время каким-то непостижимым образом теряло свое значение в Его небесном присутствии. Ахи, казалось, утонул в этих глазах полных неземной любви, и ему больше ничего не хотелось, так прекрасно было это вечное мгновение. Однако в какой-то момент Иешуа снял руку с его плеча и, развернувшись, внезапно исчез.

Ахи пришел в себя и оглянулся вокруг.

Где-то за горизонтом уже начинал заниматься рассвет. Даже один петух, видимо что-то перепутав, прокричал вдруг свой особый клич утреннего стража, хотя тут же замолчал, как бы прервав самого себя на полуслове. Ему ответила, было, какая-то овца, но ее никто не поддержал, и она тоже замолчала.

Ахи с удивлением пожал плечами и улыбнулся.

Ему было очень и очень хорошо сейчас.

Почему? Трудно сказать. Наверное, он и сам бы не смог ответить себе на этот вопрос и, честно говоря, он и не задавался никакими вопросами. Он просто вспоминал ощущение ладони Иешуа на своем плече, Его улыбку и Его благостный взгляд. Вспоминал, и улыбался сам, потому что ему было необыкновенно радостно и спокойно в этот миг.

Он еще раз поднял глаза в небо, все еще полное звезд, хотя и не таких ярких из-за приближающегося утра и, повернувшись, уверенно зашагал к себе домой.

Единственно, что ему было непонятно, так это, что же теперь делать с теми доносами, которые принес ему Юда.

Размышляя над этим Ахи подумал, было, уничтожить их, но затем отверг эту мысль, поскольку в этих доносах содержались подлинные выдержки из слов Иисуса, и Ахи не мог уничтожить эти рукописи, поскольку, как еврей, он понимал, что они имеют ценность Священного Писания. И хотя Ахи понимал, что какие-то из этих слов Юда добавил сам, чтобы угодить своим доносом первосвященнику, многие фразы все же были правдивыми цитатами из речи Учителя. Насчет некоторых изречений Ахи мог почти с полной уверенностью сказать, что их Юда добавил от себя, однако многие слова были спорными, и Ахи не мог уверенно утверждать, что Учитель такого не говорил.

Он подумал, было, что ему стоит показать рукопись еще кому-то из учеников, но затем решил, что, если он Ахи, тот, кто так хорошо знал Юду и проработал с ним вместе много лет, не может разобраться сам, что из написанного им правильно, а что нет, где гарантия, что другие смогут в этом разобраться. А значит, есть опасность, что кто-то может воспринять ложь Юды за истинные слова, и тогда на нем, на Ахи будет лежать ответственность, что он способствовал кому-то поверить в ложь.

Снова и снова он вспоминал и прокручивал в голове слова Учителя.

«Люди – удивительные творения, не так ли? Ты ожидаешь от них одного, а они поступают совсем не так, как ты думаешь, да? Что имеют не хранят, а потеряв, расстраиваются. Одним словом, Люди»

Он не понимал до конца, что Иешуа хотел ему этим сказать, но поразмыслив над этим, пришел к выводу, что, скорее всего, Он имел в виду, что людей невозможно просчитать наперед.

В общем, к тому времени, когда Ахи дошел до дома, он понял для себя только одно, что он будет хранить рукописи Юды у себя, по крайней мере, пока он жив, чтобы они случайно кому-то не навредили, подумав, что со временем Господь откроет ему, что с ними делать дальше.

Глава 12

Егор Книжник, начальствующий библиотекой,

Толмачу Алексею

Здоровья и благополучия,

В связи с неразберихой, все больше нарастающей вокруг так называемой Либерии, мне поручено изъять как сами рукописи, так и их перевод. Посему приказываю весь комплект рукописей и их перевода незамедлительно передать посыльному Савелию, который и доставит Вам сие послание.

Да здравствует Государь!

Сразу после посещения Борухина Лавров отправился в подвальное помещение 2-й башни. Он был смущен. От разговора с генерал-лейтенантом остался неприятный осадок и странное чувство, будто его обманывают. Лавров не умел лгать, но он умел чувствовать ложь. Он никогда не ошибался в этом отношении, и всегда на всех тестах и допросах, на которых ему доводилось присутствовать, на несколько мгновений опережал индикатор лжи.

На данный момент он, несмотря на кажущуюся невероятность момента, не мог избавиться от ощущения, что Борухин ему лгал.

Снова и снова он прокручивал в своей памяти последнюю проверку документов. За прошедшие два года таких проверок было несколько. Смена руководства и увеличение коррупции стало обычным явлением, что привело к ослаблению руководства как во всей стране в целом, так и в Министерстве Внутренних Дел. Пытаясь хоть как-то справиться с ситуацией и удержать контроль в столь нестабильной обстановке, руководство МВД провело целую серию всевозможных проверок во всех отделах, в том числе и в отделе архивной документации, за который и отвечал Лавров.

Будучи человеком очень ответственным, Лавров, хотя и понимал всю формальность такого рода акций, тем не менее относился к каждой проверке со всей серьезностью и, если требовалось перелопатить весь архив, он именно это и исполнял в точности.

Документ, который он, по словам Борухина, «недоглядел», подлежал ревизии именно во время последней проверки и никоим образом не мог бы проскользнуть мимо подполковника. От внимания и фотографической памяти Лаврова не ускользнула ни одна деталь. Сейчас, направляясь туда, куда он, по словам Борухина, не должен был направляться, если бы был достаточно внимательным, подполковник, будучи задетым за живое, включил именно все свое внимание и наблюдательность, чтобы еще раз убедиться, хотя бы даже и для самого себя, прав ли генерал-лейтенант.

После многократного пересмотра на экране своей памяти кадров последней проверки, Лавров решил, что ошибиться он не мог, а значит вопрос, скорее всего, не в его невнимательности, а в чем-то другом. Например в том, что у Борухина есть свои причины, по которым он не хочет, чтобы в подвальном помещении 2-й башни велись проверочные работы. И, может быть, именно поэтому у Лаврова и есть это странное ощущение, что генерал-лейтенант с ним неискренен.

Тогда подполковник стал прокручивать в своей памяти шаг за шагом каждую деталь своего посещения Борухина, стараясь восстановить в своей памяти все, до мельчайших подробностей.

Генерал лейтенант явно обладал какой-то гипнотической властью. Всегда выдержанный и уверенный Лавров чувствовал себя в его присутствии мальчишкой, несмотря на небольшую разницу в возрасте, и явно робел сверх меры.

«Это явно не его манера поведения производит такое впечатление, хотя и манера, конечно, свое дело делает, но здесь явно имеет место еще и некая энергетика, – думал подполковник, анализируя свое поведение в кабинете у Борухина. – Вывод прост: ему почему-то не нужно, чтобы мы лезли в башню. Вопрос только, а нужно ли мне туда лезть, и не только в башню, а вообще, в это дело?»

Наконец Лавров в своем анализе достиг того момента, когда Борухин протянул ему злополучный документ, и он постарался вспомнить его до мельчайших подробностей. Было здесь что-то, что его смущало.

Ему было 14 лет, когда к нему после уроков подошел человек в военной форме и предложил присесть на скамейку и поговорить. Это было на школьном дворе, на спортплощадке. Он сказал ему, что его успехи в школе весьма впечатляют, и они предлагают ему учебу в престижном военном государственном заведении и обеспеченное будущее. Молодой Евгений сразу понял, что престижное заведение, это школа при КГБ. Он согласился, и стал учиться еще усерднее. Однако, как он ни старался, золотую медаль ему получить так и не удалось, хотя, его одноклассница, которой медаль таки досталась, уступала ему во всех отношениях. Видимо, учителям был дан указ сверху о том, что Евгению медаль совсем ни к чему. Он, конечно, огорчился, но ему однозначно дали понять, что подобная слава будет мешать его карьере, и он смирился.

Всякого рода тренингами по активации и развитию способностей мозга он увлекался и до этого предложения, а после, получив в свое распоряжение огромное количество методик, Лавров сумел достичь буквально феноменальных результатов в аналитическом запоминании.

Благодаря его способности удерживать в памяти мелочи и детали, его готовили как очень серьезного агента, но после распада СССР их часть, находящуюся на Украине, расформировали, и ему предложили работать в Кремле.

«Вот оно, бумага!» – воскликнул он про себя, необыкновенно ясно увидев на экране своей памяти одну очень важную деталь. Бумага, на который был отпечатан документ, была белой и гладкой. Лист А4 выглядел точно так же, как и тот, который генерал-лейтенант вынул из голубоватой пачки «Снежинка» лежащей перед ним на столе. Такую бумагу начали выпускать уже после Горбачевской Перестройки, а документ был датирован за два года до этого. Значит, он явно был выпущен задним числом. Лавров даже замедлил шаг, чтобы еще раз прокрутить в своей памяти ощущение прохладного прикосновения офсетной отличного качества бумаги к кончикам своих пальцев.

«Что ж, товарищ генерал-лейтенант, Вы, конечно, можете и дальше играть в свою игру, но меня так просто провести не удастся. Вопрос, только, зачем мне это нужно?»

Дальше анализировать не имело смысла. Подполковник понял, что стояло за его обостренным ощущением лживости ситуации, и теперь ему оставалось решить, как ему поступить с тем выводом, которому он пришел.

Глава 13

Господин Кондратьев, здравствуйте.

Вчера вечером посыльный доставил мне Ваше письмо, которое, честно говоря, меня сильно расстроило. Я знал, или, точнее сказать, предчувствовал, что Калев прав. Не случайно рукопись охраняется вот уже столько лет или даже столетий. Я, конечно, не допускаю, что это подлинные рукописи, то есть, я имею в виду, что этим записям действительно столько лет, сколько Вы говорите, а именно около 1800 лет, скорее всего, было допущена ошибка, и им всего 800 лет, но так или иначе, документы эти действительно древние. Я склонен думать, что эта ересь была написана значительно позже, в эпоху вольнодумцев, к которым относятся такие псевдо-христиане, как, скажем, Иосифляне. Да-да, я уже слышу Ваши аргументы, что манускрипты написаны на древнееврейском, соблюден стиль и написания и ветхость соответствует, но поверьте, меня эти доводы не убеждают. Людей образованных в достаточной степени, чтобы суметь подделать иврит и стиль того времени, хватало во все века, и гораздо чаще именно среди шарлатанов. Истинные свидетели, как правило, просты и менее смыслёны. Вы же сами говорите, что манускрипты написаны явно одной рукой, то есть это идея одного заблуждающегося, чей тлетворный замысел очевиден, что и доказывает случившееся с несчастным Гариком. Кстати, древность документов как раз доказывает обратное. Слишком уж хорошо они сохранились для срока в почти два тысячелетия.

Ох, Гарик, бедный Гарик! Моё сердце искренне скорбит от случившегося с ним. А ведь я говорил Вам, чтобы Вы берегли рукописи более тщательно. Когда Вы упомянули при последнем нашем разговоре, что привлекли Гарика для помощи в переводе манускриптов, как Вы помните, я был категорически против. И вот результат!!! Хотя я и далёк от мысли, что эти манускрипты не что иное, как подлинные доносы Иуды Искарота, тем не менее, сердце автора этих записей, этого лживого шарлатана, явно наполнено таким же лукавым духом, как и того древнего предателя. И как я говорил, так и продолжаю говорить, прекратите читать этот архив! Вы, конечно, хоть и учёный, историк и всё такое, и, как говорите, далеки от вопросов веры, и для Вас это всего лишь историческая находка, но поверьте мне на слово, это вредная историческая находка и Вам лучше её запечатать и не прикасаться к ней более.

Ох, Гарик такая чистая душа, и так низко пасть... Жаль, что Вы человек далёкий от религии, иначе Вы могли хотя бы прийти, покаяться, а так Вы и виновным-то себя не считаете.

Ну, да ладно, поступайте как знаете, может быть, и помилует Вас Бог за Вашу детскую наивность и искренность, граничащие с безумием.

С уважением, Отец Сергей.

Крик, визг, скрип или что-то еще в этом роде повторилось, как и в первые два раза с той лишь разницей, что в этот раз все были к нему почти готовы. Если бы не пару десятков шагов разницы, все было бы вообще идеально. Однако кроме крестов, оставленных на стенах Андрей, были еще несколько деталей, которые Андрей запомнил, и потому крико-скрип не застал его врасплох, хотя и прозвучал несколько раньше. Впрочем, сам проводник оказался к этому готов, а ребята, хоть и не так, как в первые два раза, но все-таки испугались.

– Фу! Никак не могу к нему привыкнуть. – Лена передернула плечами. – Брр... мороз по коже.

– Почему ЭТО... случилось раньше времени? – спросил Влад?

– Ненамного раньше, мы в нескольких шагах от места, – ответил Андрей, разглядывая стены.

– Что, правда? – удивилась Тамара. – А, ну, да, точно. Вот и метка твоя.

В этот момент они как раз дошли до того места, где Андрей оставил на стенах два креста с каждой стороны тоннеля.

– А все-таки, что это такое? И почему всякий раз, когда мы проходим это место, звучит это странный писк? – спросил Влад, ни к кому особенно не обращаясь.

– Сказал тоже..., «писк», – усмехнулась Тамара.

– Да уж! – в тон ей проговорила Лена и с пафосом продолжила: – Мы проходим границу царства подземного мышиноного короля, и его страж-мышь с позволения сказать «пищит» всякий раз, когда мы входим на его территорию. ...Что-нибудь не так?

Последние слова были обращены к Андрею, который все еще стоял и рассматривал два креста, которые он оставил на стенах.

– Подойди-ка сюда, – попросил он в ответ. – Ты не помнишь, по-моему, я рисовал простые кресты без всяких загогулин? И они, насколько я помню, были чуть короче. А вот эти финтифлюшки я, хоть убей, не помню.

– Хм..., не уверена. Кажется, ты нарисовал что-то вроде буквы «Х». Хотя... не знаю.

– Вот и я о том же. Я точно помню, что эти «клюшки» я не рисовал.

– Тогда откуда они взялись?

– В чем дело, ребята? – подошел Влад, а вслед за ним Тамара.

– Может быть, ты не помнишь, как ты это нарисовал? – спросила Лена.

– С обеих сторон?

Лена посмотрела на другую сторону тоннеля.

– А, ну, да, вообще-то.

Влад, наконец, понял, в чем дело.

– По-моему ты нарисовал просто крест. Но мне кажется, здесь что-то не так. Я уже где-то видел этот знак.

– И что он означает? – спросила Тамара.

– Не помню. Что-то из истории. Как-то связано с императором Константином.

– Да ну, бред! При чем здесь Константин?

– Может быть, мы пойдем дальше? – робко предложила Тамара.

Андрей глубоко вздохнул, поправил вещь-мешок за плечами и молча, зашагал дальше.

В этот раз он шел уверенно и быстро, стремясь поскорее попасть в загадочный подземный зал, похожий на древний храм. Экономя время, он лишь изредка поглядывал на стены, замечая одному ему известные подземные ориентиры.

Между тем он размышлял:

«Странно! Очень странно! Я отлично помню, как я рисовал эти два крестика. Не было там никаких «клюшек» сверху. Но нарисовано явно моим баллончиком; я исследовал струю, она очень даже характерна. Да и следов кроме наших тоже нет. Я, вроде, все внимательно осмотрел. Так что, по всей логике это должна быть моя рука, но я не помню, чтоб я рисовал такое, хоть тресни. Неужели у меня так плохо с памятью? Но, даже если я и забыл – он попытался представить себе, как он рисует знак, увиденный на стене «...» – хотя, похожа на звездочку. Может быть, я действительно не заметил, как я ее нарисовал, и сделал это чисто машинально? Странно только, что две сразу и такие одинаковые.

Погруженные в свои мысли он не заметил, как они подошли к тому самому повороту, за которым был колонный зал.

– Ну, Жуля, ну, дай поспать!

Хозяин попробовал отогнать пуделя, но тот, вместо того, чтобы уйти, нетерпеливо взвизгнул и стал стаскивать с него одеяло.

– В кои веки мне выдалась возможность отдохнуть, и ты мне не даешь, противная собака.

– Р-р-р! – ответила Жуля с небольшим подвыванием.

– Ну, ты наглеешь. Я же могу тебя и наказать как следует, – сказал хозяин, и попробовал натянуть одеяло на голову.

Тогда Жуля подошла к экрану, встала на задние лапы и начала громко заливисто лаять на движущиеся по нему светящиеся точки.

– Это просто невозможно! Ты наглая и противная псина, и ты заслуживаешь серьезного наказания. Вот сейчас встану и выплюну тебе, – высунул он голову из-под одеяла.

Не слушая его, пудель залился лаем еще более звонким.

– Ну, что ты будешь делать?!

Он встал, наконец, и взялся за брюки, висящее на стуле рядом с кроватью, чтобы снять с них ремень, но в этот момент обратил внимание на экран, вызвавший столь странное поведение собаки.

– Ага! Вот оно в чем дело! Теперь я понимаю, что тебя встревожило. – Он подошел к экрану, надевая на ходу брюки и смешно подпрыгивая на одной ноге. – Скажите на милость, им снова захотелось приключений. Ну, и что нам с ними делать, а?

Собака радостно повиляла хвостом в ответ и гавкнула три раза.

– Вот и я так думаю. Придется им включить увеселительные мероприятия. Да, Жуля?

Собака снова гавкнула.

– Опасно? Конечно, опасно. Но, я надеюсь, ничего плохого с ними не случится. Мы ведь им скажем, что им делать. Правильно, псина?

Глава 14

Многоуважаемый Полоний Маркович.

Пишет Вам никто иной, как поклонник Вашего таланта, Тиберий Слюсарь.

Я вынужден обратиться к Вам за помощью, поскольку нахожусь в некоем затруднительном положении.

Как я Вам уже рассказывал, князь Ростислав поручил мне разобраться с древними рукописями, которые, как Вы знаете, достались в наследство Ольге – возлюбленной государевой.

За рукописями идет дурная слава, и у меня с самого начала было нехорошее предчувствие, когда князь поручил мне это дело.

Я приказал писарю Егору аккуратно скопировать несколько страниц, чтобы нам работать не с оригиналом, а с копией.

Я, конечно, поступил глупо, упустив из виду, что Егор, хоть и кажется простачком, но в свое время занимался изучением древнего Еврейского.

Что Вы думаете, скопировав несколько страниц, Егор как белены объелся. В мужика явно вселился бес, поскольку он, о, Господи, и сказать-то страшно, задумал убить самого митрополита. Это надо же было на такое замахнуться!

Господь, конечно же, не позволил такому случиться, но попустил-таки негодяю, и тот тяжело ранил князя Ростислава, который, как бы невзначай заслонил своим телом его святейшество.

Князя увезли в больницу. Говорят, что рана смертельна, и помочь ему может только чудо Господне.

Егора схватили и расстреляли в тот же вечер, то есть, третьего дня. Бедняга даже во время расстрела все насмехался и кощунствовал, пока стрела не оборвала его жизнь. Жалко его, конечно, но я больше корю себя, что поручил ему такое дело. Думаю, что во всем виновата эта самая Либерия Ольги.

Но я, почему-то, не испытываю страха перед этими документами. Мне совершенно очевидно, что написал их человек несведущий, и перевозжу их лишь, как историческую реликвию. Но мои познания языка в сравнении с Вашими, это как капля в море.

Поэтому, считая Вас человеком весьма устойчивым, здоровым, и твердым в вере, я смиренно прошу Вас найти время и помочь в переводе этих рукописей. Однако все же прошу, будьте осторожны, поскольку, хотя я и уверен, что, если Либерия и может негативно повлиять, то только на людей неутвержденных и несведущих в вере как должно, к коим Вас никак не отношу. И все-таки, переживаю, что могу недооценить тлетворность данного материала, а также переоценить Вас, ибо Господь предупреждал нас не надеяться на плоть человеческую, ни за кого не поручаться и быть смиренными.

Простите, если чем неосторожно обидел Вас в этом послании,

С огромным уважением,

Искренне Ваши,

Тиберий Слюсарь.

Прошло восемь лет с того момента, когда Ахи встретил двух учеников Иешуа на ночном перекрестке, после чего пережил и удивительную встречу с Самим Воскресшим Иешуа. Вскоре после этого события в Иерушалайме стали стремительно развиваться. Рассказывали, что в одном из домов, где имели обыкновение собираться ученики Иешуа на праздник Пятидесятницы, когда их было около 100 человек, на них якобы снизошла Шехина Господня, после чего число последователей Иешуа стало увеличиваться с каждым днем.

Ахи не был очевидцем этого события, но к нему стали поступать один за другим доносы о том, что многие из последователей Иешуа стали совершать такие же чудеса, как и сам Иешуа, и он лично встретился со многими, кто был чудесно исцелен учениками Иешуа. В какой-то момент он даже хотел примкнуть к ним, когда был исцелен один из его друзей, которому Ахи доверял почти, как себе. Ахи был так сильно впечатлен, что даже несколько раз вместе со своим исцеленным другом посетил тайные собрания учеников, несмотря на риск потерять свое служебное положение.

Здесь же среди учеников он и встретил Ноаму. Этот миг Ахи все еще помнил так, будто это произошло только вчера.

Он зашел в дом как раз в тот момент, когда прозвучал призыв к молитве. Она стояла справа, перед Ахи, и он, не заметив ее вначале, случайно задел девушку локтем. Она оглянулась на него, и на какое-то мгновение глаза их встретились. Ему показалось, что он утонул в их бездонной глубине, как в Великом море. Этот короткий миг был, как прикосновение к вечности.

В следующую секунду она отвернулась и склонила голову в молитве, и Ахи тоже, но в течение всей молитвы перед его мысленным взором стояли эти бездонные темно-голубые глаза. Когда прозвучало всеобщее «аминь», она оглянулась на него опять. Однако в этот раз ее взгляд был задумчивым и долгим, а у воина сердце забилося так, что он ощутил его на кончиках пальцев своих ног.

В следующий миг к собравшимся обратился с речью некто Марк, который утверждал, что лично от самого Петра слышал, как Машиах изменился видом на горе Табор. Что к Нему из облака был глас Божий, похожий на гром, который Петр лично слышал. После его рассказов был еще некто, кто не представился, он рассказал, как Бар-Аба исцелил его от проказы во имя Иешуа, и что он показал себя священнику, и тот подтвердил подлинность выздоровления и т.д., и т.п. Слушать было интересно, но мысли Ахи постоянно возвращались к той девушке, которая стояла на шаг от него и, как казалось, очень внимательно слушала все, что говорилось в собрании. В какой-то момент она сложила руки перед собой и о чем-то помолилась, после чего снова стала слушать.

Когда собрание закончилось, прекрасная незнакомка развернулась и, не взглянув на Ахи, поспешно вышла из помещения и быстрым шагом зашагала прочь.

Ахи нагнал ее и, поравнявшись с ней, спросил, преодолевая смущение:

– Кто ты, красавица?

Она продолжала быстро шагать, опустив голову и ничего не отвечая.

– Пожалуйста, сестра, – он использовал это обращение, потому что так было принято среди учеников Иешуа, как, впрочем, и среди Иудеев, – я не обижу тебя. Скажи мне, как тебя зовут?

– Ты же римлянин? – не ответив на его вопрос, спросила она, бегло взглянув на него и тотчас же смущенно опустив голову.

– Нет, я иудей. Мои родители из Яфо.

– Но ты так похож на римлянина?

– Я просто военный. Служил в римской армии. А почему ты спрашиваешь об этом? Это грешно, быть похожим на римлянина?

Она вновь украдкой посмотрела на него и чуть улыбнулась, отрицательно мотнув головой.

– Ты не ответила, как тебя зовут?

– Ноама.

– Ноама!.. – задумчиво повторил Ахи, вслушиваясь в звучание ее имени. – Где ты живешь, Ноама? Я хочу встретиться с твоим отцом.

Вместо ответа, она закрыла лицо руками и, отвернувшись, побежала прочь.

– Смирно! – зычный голос капитана Груздева возвестил о прибытии подполковника.

– Вольно, вольно. Продолжайте работать, – махнул Лавров солдатам и, обращаясь к Груздеву, спросил: – Как у нас дела?

– Как видите, подземелье открыли. Все в точности соответствует чертежам. Мне кажется, Снежин напрасно все это затеял. Лишняя трата времени.

– Гарантия безопасности никогда не бывает лишней. Наше дело маленькое; проверка соответствия. Дай-ка, я посмотрю.

Взяв из рук Груздева документ, Лавров бегло, как могло показаться на первый взгляд, ознакомился с заполненной формой и, осмотрев помещение, спросил:

– Стены прозванивали?

– Да, конечно, металлоискателем и ультразвуком.

– И что?

– Ровным счетом ничего. Медный кабель по правой стене. Приходит сверху. Уходит в пол. Ни пустот, ни ниш.

– Кабель под напряжением?

– Нет, конечно. Он, похоже, старый очень. Революционных лет.

– А внизу продолжение есть?

– Нет! – Груздев отрицательно мотнул головой. – Никакого продолжения, и ничего не прозванивается.

– Странно...! Тогда зачем кабель?

– Может быть, когда-то продолжение было нужно, а затем оборвали. Лет-то сколько прошло, – предположил Груздев.

Лавров какое-то время размышлял, потирая широкой ладонью лоб, а затем сказал: – Ну, ладно. Как есть, так есть. Наше дело маленькое; все проверим и, если ничего нет, доложим и зашьем. У тебя есть толковый парень, который мог бы грамотно составлять отчеты и относить их Борухину?

– Да, есть. Старший сержант Митрохин. Отличный парень.

Как раз в этот момент к ним подошел коренастый паренек среднего роста с лычками старшего сержанта на погонах.

– А вот и он, легок на помине. Старший сержант Митрохин к Вашим услугам, товарищ подполковник. Ну, докладывай, что там у тебя, вояка?

Митрохин отдал честь, цокнул каблуками и отчетливо доложил:

– В конце тоннеля под слоем штукатурки обнаружена кирпичная кладка. Судя по форме, кирпич военных лет. Прикажете разобрать кладку?

– Если этих лет, то кладка там, скорее всего, серьезная будет, – задумчиво проговорил Груздев. – А как ты ее обнаружил-то под штукатуркой? Я же там все смотрел, все одинаково было заштукатурено.

– Заметил разницу сигнала, когда прозванивали стены ультразвуком.

– Догада, Митрохин, молодец! Ну, что, будем разбирать кладку? – спросил он у Лаврова.

– Да, давайте разбирать, – ответил тот и, обращаясь к сержанту, сказал: – пойдя, отдай приказ, а после подойдешь ко мне. У меня для тебя есть дело.

Когда Митрохин вернулся через минут пять, Лавров отошел с ним в коридор и, глядя ему в глаза, сказал:

– Я вижу, ты парень толковый. Сослужи мне службу. Если все сделаешь, как должно, я позабочусь о твоём самом раннем дембеле. Идет?

– Что прикажете делать, товарищ подполковник? – выразил свою готовность сержант.

– Мне нужно, чтобы ты грамотно составлял отчеты о том, что вам удастся обнаружить, или не удастся обнаружить, и относил эти отчеты к Борухину, но только, несколько с опоз-

данием. То есть, то, что вы обнаружили кирпичную кладку, лучше сегодня не сообщать. Ты, кстати, нигде больше не замечал подобных изменений отраженного сигнала ультразвука?

– Замечал, но не внизу, а в этом помещении. Где-то в двух метрах от основного проема.

– Тогда, после того, как разберете кладку, займитесь проверкой этого места. Но об этом пока в отчете ни-ни. Понял?

– Так точно, товарищ подполковник.

Глава 15

Тиберию Слюсарю

Рекомендательное...

Рукописи «ваши» я посмотрел. С переводом, так уж и быть, помогу. Как ваши хоть и бывший, но все-таки учитель, хочу заметить, уважаемый Тиберий Петрович, что словом Либерия нельзя называть одну единственную рукопись, пусть даже и состоящую из многих и написанных в разное время, поскольку Либерией называется собрание разных книг и рукописей. Так что, поправьте свой вокабуляр.

Кстати, стилем изложения автора не впечатлен, но сами материалы интерес вызывают. С удовольствием их читаю. Они действительно открывают глаза на многие моменты, которые непонятны через прочтение евангелий. Лично мне мнение автора нравится, хоть он, конечно, и не литератор.

Ну, будьте здоровы,

С глубоким почтением,

Полоний Маркович

В этот раз, перед тем, как войти в колонный зал, Андрей особенно не осторожничал. Никого не предупредив, он взял с собой еще более мощный фонарь, чем тот, который у него был, и достал его только тогда, когда они вошли в зал, освятив сводчатые потолки и громадные колонны мощным, как от прожектора, лучом.

– Ух ты! – воскликнула Лена, стоящая прямо за спиной проводника. – Вот это красотища!

Луч света выхватил из темноты незамеченные до этого детали, открыв взору весь масштаб помещения, которое было воистину огромным.

– Тише ты! Полушепотом попытался унять ее эмоции Влад.

– Ты все еще боишься подземного мышиноного короля? – насмешливым тоном спросила его Тамара.

– Не-ет! – в тон ей сказала Лена. – Он боится шестилапного чудовища, обитающего в таких подземельях.

– Смеетесь? Тогда, что это, по-вашему?

В его голосе был такой несвойственный ему неподдельный страх, что все посмотрели туда, куда он показывал. Луч его фонаря высвечивал на полу огромный след какого-то крупного зверя, отпечатавшийся в пыли.

– Здесь стена, – доложил старший сержант Митрохин после того, как его солдаты сняли пожелтевшую деревянную обшивку со стены справа.

– И больше ничего? – спросил Лавров. В его голосе слышалось легкое разочарование.

– Похоже, что ничего.

Они находились в небольшом помещении, в два раза меньшим по размеру, чем подвальное помещение, которое было указано на чертеже. Этой комнаты на чертеже указано не было и, если бы ни внимательность Митрохина, о его существовании никто так и не узнал бы.

После того, как была разобрана кирпичная кладка в указанном на чертеже проходе, и там ничего обнаружено не было, кроме глухого тупика, Лавров отдал приказ, вскрыть паркет в том месте, где Митрохиным было замечено изменение ультразвукового сигнала, где и была обнаружена эта комната.

Помещение было обшито ровными дубовыми досками, которые, несмотря на давность лет, очень даже неплохо сохранились, поскольку были пропитаны каким-то защитным составом.

Удивительно было то, что прямо посреди этого дубового «подвального» подполья стоял экзотический резной табурет, пропитанный таким же составом, как и стены. Этот шедевр резного творчества, вызвавший удивление у всех без исключения, стоял прямо посреди вновь обнаруженной комнаты, как единственный представитель мебели и творческой жизнедеятельности человека, если не считать стен и комнаты, как таковой.

– Ух, ты! Вот это я понимаю! – воскликнул один солдат, который, когда отверстие в полу было открыто, заглянул туда с фонарем в руке.

Не дожидаясь, когда в помещение будет опущена лестница, он спрыгнул туда и пошел к табурету.

– Стоять! Замри! Лесков, ни с места!

Это был Митрохин, и его приказ был отдан таким тоном, что солдат тотчас повиновался, но возмущенно забубнил в ответ.

– Товарищ старший сержант, но это ведь только табуретка. Смотрите, какая красивая.

– Рядовой Лесков, немедленно вернитесь назад. Васильев, опустите ему лестницу.

Насупившийся Лесков вылез наверх как раз в тот момент, когда Лавров незаметно вошел в помещение и тихо остановился в дверях. Солдат был громадного роста, на голову выше Митрохина.

– Рядовой Лесков, передайте Ваш фонарь ефрейтору Васильеву, и отправляйтесь в казарму. Доложите старшине, что я дал вам три наряда вне очереди на кухню.

– Товарищ старший сержант, за что? – возмутился, было, Лесков, но Митрохин резко прервал его.

– Отставить, Лесков. Во-первых, Вы опустили в помещение, не дождавшись приказа. Во-вторых, Вы грубо нарушили технику безопасности, поскольку опустили туда, не проверив место, на которое Вы ступили, металлоискателем на наличие мин. Поступая так, Вы рисковали, как своей жизнью, так и всех нас. В-третьих, Вы направились к неизвестному объекту под землей, также не проверив его металлоискателем. Вам ясно, Лесков?

– Но ведь, Вы тоже опустили лестницу, не проверив место, куда она опускается, металлоискателем? – запротестовал Лесков.

– Отставить, рядовой. Во-первых, я это сделал после Вас, когда Вы уже проверили это место своими сапожищами 45-го размера. А во-вторых, Вы не уполномочены указывать старшему по званию, что ему делать. Вы уполномочены выполнять приказ. Поэтому я даю Вам еще один наряд вне очереди и еще раз спрашиваю, Вам все ясно?

– Так точно, товарищ старший сержант, – со вздохом ответил Лесков.

Все это время Лавров стоял в дверях и наблюдал за происходящим. Когда Лесков, выходя, столкнулся с подполковником в дверях, он вздрогнул и, вытянувшись по струнке, громко возгласил:

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

Услышав приветствие, Митрохин взглянул и коротко отдал приказ:

– Смирно!

– Вольно, – ответил Лавров и жестом показал Лескову, что тот может идти.

Когда рядовой ушел, подполковник обратился к старшему сержанту.

– Митрохин, доложите обстановку.

– Капитана Груздева срочно вызвал к себе генерал-лейтенант Борухин, поэтому он передал командование мне до своего возвращения. В отсутствие капитана Груздева мы вскрыли паркет в указанном месте и обнаружили этот проход, но вниз еще не спускался никто, кроме рядового Лескова, которому я дал четыре наряда вне очереди, за то, что он...

– Можете не продолжать. Остальное я видел и слышал, – остановил его Лавров. – На самом деле, сержант, за ваши действия в отношении Лескова вы достойны поощрения. Итак, что Вы намерены делать дальше?

– Проверить место спуска металлоискателем и, если все в норме, спуститься вниз для осмотра помещения.

– Что там?

– Не могу знать, товарищ подполковник. Рядовой Лесков сказал, что он видел там какой-то табурет.

– Посмотрите, – скомандовал Лавров.

– Есть! – ответил старший сержант и отдал несколько распоряжений: – Бобров, Васильев, обеспечить свет. Поскавичус, проверить помещение и тот объект, о котором говорил Лесков, металлоискателем. Сам объект руками не трогать.

Через 10 минут, когда помещение снизу было полностью освещено и проверено, Митрохин доложил.

– Обнаружено помещение 2,4м на 3,5 метра. По левой стене электрический кабель, судя по сигналу, медный. Сечение 2мм двужильный. Ведет к розетке образца 1912г. Кабель не под напряжением. Помещение обшито доской, похоже на вагонку, но еще тех времен. Посреди помещения объект – табурет резной работы. Очень красивый. Желаете взглянуть?

– Молодец Митрохин, – не мог не восхититься Лавров. – Отлично работаете, старший сержант. Так держать.

Он подошел к проему, спустился вниз и, взглянув на табурет, воскликнул:

– У-у! Действительно шедевр. Дай-ка, я его сфотографирую.

Когда подполковник сделал несколько снимков, он взял табурет в руки и стал его рассматривать со всех сторон.

– Классная работа! Это что за дерево? Кто разбирается?

– Разрешите мне взглянуть? – откликнулся солдат Бобров, который обеспечивал освещение. – Я до армии занимался резьбой по дереву.

Он взял табурет и бережно провел рукой по его поверхности.

– Знатная работа! Классный мастер! По волокну это явно дуб, но по структуре видно, что очень плотный. Видимо, специально подирали. Сейчас, конечно, уже так не делают. – Он перевернул табурет. – О! А здесь надпись. Смотрите!

Он протянул табурет подполковнику.

Лавров заглянул вниз. У одной из ножек табурета была выгравирована золотом как на металле надпись:

Master Geld Kaufmann Suchte Liberia 1914 j. ליבריה

Глава 16

Дорогой мой коллега и ученик, Тиберий!

Я опять пишу Вам по поводу переданных мне для перевода рукописей.

Нужно признать, я уже давно не встречал столь интересных материалов. Вначале я их, признаюсь, недооценил.

Читать их – одно удовольствие.

Не знаю, что такого реакционного и тлетворного Вы в них обнаружили. По-моему – это лишь безобидное высказывание своего мнения одного несчастного человека, и не более того.

И знаете что, дорогой Тиберий, я думаю, что эти рукописи вполне могут быть подлинником. Я, конечно, пока не утверждаю, что это так, но уж очень стиль написания похож на самые ранние христианские документы и рукописи того времени, так что, вполне возможно, что автором был и сам Иуда, или, как Вы говорите, Юда, уважая Вашу любовь к точности в произношении древнееврейских имен.

Так или иначе, но документы содержат, как интересные свидетельства, так и очень мудрые высказывания, над которыми просто полезно поразмышлять. Так что, в общем-то я рад, что Вы ко мне обратились за помощью, хотя, по сути, а к кому бы Вы еще могли обратиться? Ведь специалиста такого как я, скорее всего, не найти не только у нас, но и за границей.

То, что я уже перевел, я передаю Вам через своего слугу, который и доставит Вам это послание. Думаю, Вам так же доставит удовольствие, почитать эти материалы.

Лично я не нахожу в них ничего такого, что могло бы быть препятствием для их публикации. Ведь, если кто-то это написал, и Бог это позволил, то данная рукопись имеет право на существование. Вот пусть народ читает и рассуждает, что правда, а что нет. Скорее всего, слухи о дурной славе – это излишние опасения и просто суеверие. Лично я к таким вещам отношусь скептически.

И еще, коллега, было бы неплохо, если бы Вы выхлопотали за этот перевод дополнительное вознаграждение. Все-таки, эта работа стоит больше, чем за нее предложено. Я, конечно, в любом случае ее переведу, хотя бы просто потому, что материал интересен мне самому. Но считаю, что труд над такими рукописями, дело далеко не простое, и должно оплачиваться дополнительно. Надеюсь на Ваше выгодное служебное положение в этом вопросе.

Полоний.

Андрей провел фонарем по направлению следа, но ничего не обнаружил. След был единственным в своем роде. Это был крупный отпечаток, похожий на отпечаток человеческой руки, только раза в два крупнее, и с когтями на конце пальцев.

– Похож на отпечаток крысы или выдры, только размер, как видите, совсем другой, – сказал Андрей.

– Ничего себе крыска. Может быть, это и есть тот самый мышинный король? – попробовала пошутить Тамара, но, похоже, все восприняли ее шутку всерьез.

– Что за...? – Влад не договорил, потому что Андрей вдруг резко прервал его.

– Тише! Тсс! – он прислушался. – Какое-то шипение.

Все тоже прислушались.

– Я ничего не слышу, – насупился Влад.

– Я тоже, – присоединилась к нему Тамара.

– А я слышу, как будто газ выходит из баллончика или проколотого колеса машины. Ты этот звук имел в виду? Он очень тихий. Еле слышно.

– Да, этот. Еще с таким звуком иногда змеи ползают.

- Ой, не надо страшилок, а? Итак достаточно, – взмолилась Тамара.
- У нас есть оружие кроме пистолетов? – спросил Андрей.
- У меня два пистолета, – отозвалась Лена.
- А у меня один, дамский, – сказала Тамара, – и еще газовый баллон.
- Газовый не пойдет. Ни газовый, ни перцовый. Здесь помещение хоть и большое, но закрытое. Надышимся все так, что мало не покажется.
- У меня один пистолет, но очень даже приличный. И есть еще один пневматический со снотворными пулями в виде маленьких шприцев.
- Где ты взял такую экзотику? – удивилась Лена.
- Места надо знать. У меня даже есть лицензия на пользование.
- У меня на мое оружие тоже есть лицензия. И кстати, снотворный пистолет у меня тоже есть. Но только, глядя на этот след, я сомневаюсь, а подействует ли оно? – усомнился проводник.
- Ну, не знаю. Две дозы быка уложат, а три и слона, если нужно, – запротестовал Влад.
- Уложить-то уложат. Вопрос, как быстро? И не расстривеет ли этот монстр и не проглотит ли тебя прежде, чем уснет? – продолжал рассуждать вслух Андрей.
- Да, тише вы! Раскричались. Вам что, в действительности хочется встречи с шестилапым?
- Если это, как ты говоришь, шестилапый, то по аналогии с той самой сказкой, он должен бояться света, а вот если это какой-нибудь гигантский крот...
- То ему наплевать на наши фонарики, да? – продолжила Лена его мысль. – И что, все струсим и пойдем назад?
- Андрей достал два пистолета, проверил заряд, дунул в ствол и только тогда ответил.
- А это вам решать Господа, пойдем мы дальше, или струсим. Лично я готов продолжать.
- Я тоже. Я за этим и пришла, – тут же отозвалась Лена.
- Меня зверушки не пугают, – сказал Влад, – но я, как Томка. Если она пойдет, я пойду.
- А если нет, я с ней вернусь.
- Тамара взяла его ладонь и благодарно потерлась об нее щекой, а затем сказала:
- Мне, конечно, очень страшно, но в то же время ну, о-очень любопытно, что же там дальше. Так что, я с вами, но только, если мы будем все вместе.
- Тогда решено, – неожиданно в голосе Андрея зазвучали задорные командирские нотки. – Никто никуда не отлучается ни по какому поводу. Даже в туалет, один идет, а остальные отворачиваются, но прикрывают. Это и залог безопасности, и гарантия взаимопомощи. Оружие наготове?
- Да, – ответили все хором.
- Он еще раз прислушался, осмотрелся и скомандовал:
- Тогда вперед. Начинаем осмотр этого архитектурного подземного шедевра.

После осмотра табурета, Лавров приказал снять со стен обшивку и прозвонить их. Приказ был выполнен, но это ровным счетом ничего не дало. Под дубовой облицовкой не было ничего, кроме неровно оштукатуренных стен.

Его чутье подсказывало ему, что здесь что-то не так. Где-то что-то должно было быть спрятано, и не просто так Борухин пытался его смутить.

Лавров понимал, что он серьезно рискует, но любопытство взяло вверх. Если бы генерал-лейтенант не вызывал его, он, скорее всего, ничего бы, кроме того, что на чертеже, и искать не стал, поскольку счел бы задание Снежина ничем иным, как обычной рутинной, формальной проверкой в целях усиления безопасности и периодического обновления документации. Теперь же он чего-то искал, сам не зная, чего, но зная, или скорее даже, чувствуя, что они случайно на что-то наткнулись, что от них почему-то прячут те, кто выше, или, по крайней мере,

генерал-лейтенант Борухин, который просто на просто боялся, что они на это что-то случайно наткнутся.

А раз такая случайность возможна, значит это что-то где-то совсем близко.

При это нужно было действовать так, чтобы генерал-лейтенант не понял, что подполковник его раскусил, иначе...

О том, что могло бы быть иначе, Лаврову думать не хотелось. Он почему-то был уверен, что ничего страшного с ним не произойдет, и кроме того, им овладел азарт сыщика. Когда-то в молодости он зачитывался Шерлоком Холмсом, и мечтал о том, что станет частым детективом. И, хотя его мечта не сбылась, ему всегда нравилось распутывать что-нибудь загадочное и неизвестное. А тут такой случай...!

Ничего не найдя под обшивкой, разочарованный Лавров объявил перерыв, а сам решил покинуть башню и немного подышать свежим воздухом, где он и встретился лицом к лицу с Груздевым.

Одного взгляда на капитана было достаточно, чтоб понять, что разговор с Борухиным был напряженным и непростым.

– Как-то ты не так выглядишь. Что-то случилось? – спросил Лавров.

Груздев ответил не сразу. Подполковник явно видел, как его друг борется, чтобы овладеть собой и придать своему лицу обычное выражение. Наконец, после достаточно продолжительной паузы, капитан ответил.

– Да, нет. Все нормально. Я просто задумался немного о своем.

«Ложь!» – подумал Лавров, а сам спросил:

– Ну, и о чем вы говорили?

Груздев начал плести откровенную ерунду о том, что якобы Борухин просто интересовался тем, как продвигаются работы, но Лавров чувствовал лживость каждого слова и, слушая всю эту галиматью, думал про себя.

«Ага! Борухин мне не доверяет и решил перестраховаться. Как же мне теперь из Груздева выгащить правду-то? Он ведь явно боится. Ох, дружище! Попал ты. Что же мне теперь с тобой делать?»

Когда Груздев закончил свои сбивчивые объяснения, Лавров отошел в сторону и, опустившись на высокое бордюрное ограждение, тяжело вздохнул и закрыл лицо ладонями.

– Ты чего так тяжело вздыхаешь, Женя? Что-то не так?

– Не так, Федор, не так. Очень даже не так, – ответил Лавров, не открывая лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.